

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РФ
ФГОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная
академия им. В. Р. Филиппова»

О. Д. Барлукова

**КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)**

Монография

Улан-Удэ
Издательство БГСХА им. В. Р. Филиппова
2008

УДК 316.343.65 (510)
Б 253

Утверждено к печати редакционно-издательским советом
ФГОУ ВПО «Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова»
Темплан №2

Рецензенты

Ж. А. Аякова – к. филос. н., зав. кафедрой философии
ФГОУ ВПО «БФ НГУ ЭиУ»;

Л. И. Иванова – к. соц. н., доцент кафедры «Связи с обществом»
ФГОУ ВПО «БГСХА им. В. Р. Филиппова»

Барлукова О. Д.

Б 253 **Китайская интеллигенция в условиях модернизации общества (последняя четверть XX века):** монография / О. Д. Барлукова; ФГОУ ВПО «Бурятская ГСХА им. В. Р. Филиппова». – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. – 115 с.

Настоящая монография посвящена проблемам исследования китайской интеллигенции в период модернизации общества. Основное содержание монографии составляют анализ места, структуры, функциональных обязанностей китайской интеллигенции конца XX века.

Предназначена для востоковедов, преподавателей гуманитарных дисциплин и всех, интересующихся проблемами социальной структуры китайского общества.

УДК 316.343.65 (510)

© О. Д. Барлукова, 2008
© ФГОУ ВПО «Бурятская ГСХА
им. В. Р. Филиппова», 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения интеллигенции в социальной структуре китайского общества	
1.1. Интеллигенция как социальная категория, ее место в структуре китайского общества.....	7
1.2. Условия и факторы развития интеллигенции в период модернизации общества.....	31
Глава 2. Структура, функции и источники пополнения китайской интеллигенции	
2.1. Изменение социальной структуры интеллигенции.....	54
2.2. Основные функции китайской интеллигенции.....	74
2.3. Социальные источники пополнения интеллигенции и ее воспроизводство через систему образования.....	83
Заключение.....	100
Библиографический список	104
Приложение.....	114

ВВЕДЕНИЕ

Место и роль интеллигенции в китайском обществе вызывают повышенный интерес в современных обществоведческих науках. Модернизационный процесс, происходящий в КНР, обострил данную проблему. Китайская интеллигенция является социальной группой, занимающей специфическое место в социальной структуре общества, выступает главным интеллектуальным двигателем преобразований и общественных перемен, которые происходят в КНР. Ее роль состоит в том, чтобы своими знаниями, опытом добиваться прогресса в социально-экономическом, политическом и духовном развитии общества. От ее деятельности, способности предвидения во многом зависит содержание, характер и темпы социальных изменений.

Изменения, происходящие в социальной структуре китайской интеллигенции, представляют большой научный и практический интерес. Обстоятельства, которые обуславливают теоретическую и практическую актуальность изучения интеллигенции, тесно связаны с современным состоянием китайского общества. Модернизационные процессы и динамичное развитие КНР выдвигают необходимость исследования данной социальной группы на одно из первых мест. В современных условиях интеллигенция является силой, которая во многом определяет идеологию и стратегию развития китайского общества.

Выбор темы обусловлен и тем, что статус китайской интеллигенции в период модернизации изменился по сравнению с периодом до «культурной революции». Интеллигенция стала более активной социальной группой, обладающей существенными потенциальными возможностями в деле реформирования страны.

Изучение китайской интеллигенции позволит получить представление об основных тенденциях роста численности, изменениях в отраслевой, профессиональной и квалификационной структурах, источниках воспроизводства, основных функциях интеллигенции на современном этапе развития общества, которые остаются наименее изученными в отечественной социологической и синологической литературе. Знание этих процессов будет способствовать формированию целостного представления о современном китайском обществе, динамике изменений, происходящих в нем, развитию добрососедских отношений между нашими странами.

Проблемы интеллигенции, ее социальной структуры нашли отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей.

Вместе с тем следует отметить, что большинство крупных исследований посвящено периоду до «культурной революции», а те, что касаются проблем современной интеллигенции, рассматривают лишь отдельные ее аспекты. Автор вынужден констатировать, что до настоящего времени не опубликованы работы, особенно в отечественной социологии, рассматривающие социальный статус, функции китайской интеллигенции в их целостном виде в период модернизации, которая берет свое начало после 1978 года.

Основной целью исследования является анализ социального статуса, структуры китайской интеллигенции, основных тенденций и особенностей ее развития в условиях модернизации китайского общества.

Данная цель обусловила следующие задачи:

- выявление генезиса китайской интеллигенции;
- изучение социального статуса интеллигенции в структуре китайского общества;
- определение экономических, социальных, политических условий и факторов развития интеллигенции в период модернизации;
- анализ основных тенденций изменения социальной структуры китайской интеллигенции, включающий социально-профессиональную и отраслевую, этническую и поселенческую;
- выявление основных функций и их изменение;
- исследование источников воспроизводства китайской интеллигенции.

В подходе к изучению китайской интеллигенции автор опирался на фундаментальные общенаучные методы познания в их применении к анализу социальной структуры: системный, сравнительно-исторический, структурно-функциональный, принцип историзма, цивилизационный и формационный подходы.

Объект исследования - интеллигенция Китайской Народной Республики в годы модернизации общества. Предмет – социальный статус, основные тенденции изменения структуры, функций, социального положения интеллигенции в условиях модернизации китайского общества последней четверти двадцатого века.

В работе исследуется понятие «интеллигенция» как социаль-

ной категории и определяется ее место в структуре китайского общества. Рассмотрена история формирования этого понятия в западноевропейской и китайской культурных традициях. Современный китайский термин «чжишифэньцзы» по своему социальному содержанию несколько шире, чем русское понятие «интеллигенция». Китайская интеллигенция имеет глубокие исторические корни, прошла длительный путь от небольшой группы образованных людей до сословия и социального слоя. Ее место в структуре китайского общества характеризуется как неустойчивое, зависимое от политики государства и его руководителей. С момента модернизации общества после «культурной революции» место и роль интеллигенции становятся все более значительными. Основными факторами, способствующими ее развитию, стали: экономические и социальные реформы, развитие политических и законодательных институтов гражданского общества. В качестве сдерживающих выделяются в основном психологические: боязнь перемен, недоверие к внешнему миру, страх перед возможной нестабильностью. В целом, они благоприятны. Социальная структура подвергается трансформации в сторону увеличения представительства интеллигенции во всех отраслях народного хозяйства, в том числе растет численность национальной интеллигенции. Основные функции представляют сложную и разветвленную типологию, в современном обществе они подверглись институализации. Источники воспроизводства китайской интеллигенции расширились и стабилизировались.

Представленное исследование является одной из первых работ, посвященных анализу социального статуса и структуры китайской интеллигенции последней четверти двадцатого века. В ней введены в научный оборот источники на английском и китайском языках. Проанализированы и обобщены новые статистические данные.

Социальный статус и структура китайской интеллигенции в условиях модернизации общества изменились по сравнению с периодом до 1978 г. в сторону увеличения ее роли во всех сферах общества. Эта тенденция связана с процессом реформирования общества и интеграцией китайской и мировой экономики, открытием внешнему миру. Интеллигенция стала более активной социальной группой, влияющей на ход, содержание и темпы реформ. Социальная структура, функции и источники воспроизводства подверглись трансформации.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в обобщающих трудах по социальной структуре КНР, в учебных курсах на востоковедческих отделениях, для создания учебных и научных трудов по социологии, истории, политологии. Некоторые данные применимы для сравнения и использования опыта китайской модернизации в российской действительности. Результаты исследования могут использоваться для дальнейшего применения в области международных отношений и развития добрососедских отношений между нашими странами, распространения достижений российского образования, особенно в приграничных районах КНР.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

1.1. Интеллигенция как социальная категория, её место в структуре китайского общества

Интеллигенция является социальной группой, место которой в структуре общества трактуется различными исследователями неоднозначно. Специфика ее положения в общественном разделении труда заключается в занятости умственным трудом. Данная социальная группа является создателем и распространителем знаний, идеологии, хранителем общечеловеческих ценностей.

В обществоведческой науке до настоящего времени не существует единства взглядов по поводу содержания понятия «интеллигенция». Языковая основа слова «интеллигенция» сформировалась в древнегреческом языке, его первоисточником является греческое слово *noesis* – «сознание, понимание в их высшей степени». Оно противопоставляется двум более низким степеням сознания – *dianoia* – «образ мыслей, размышление» и *episteme* – «научное знание» и объединяет их как высшая категория¹. Под влиянием этого греческого концепта в римской культуре возникло слово «*intelligentia*», первоначально означавшее просто «хорошая степень понимания,

¹ A Greek-English Lexicon. – Oxford, 1985. – P. 1178.

сознания». Далее в латыни основным значением этого слова оказывается «способность» понимания как высшая умственная способность, главенствующая над всеми остальными – над *mens* «ум, дух», *ratio* «рассудок».¹

В древнем Китае интеллигенция обозначалась понятием «ши». Конфуций, согласно одной из записей «Лунь юй», говорил: «Ши – это тот, кто всеми помыслами стремится к достижению Дао».² Переводить термин «ши», по мнению П.К. Бола,³ следует в зависимости от контекста: от начала Тан до 11 в. – «аристократ», до конца Северного Сун – «ученый чиновник» и позднее – литератор. В древнем словаре «Шовэнь цзенцзы», а также в «Бахутуне» говорится, что одно из значений понятия «ши» – это «нести службу».⁴ В разные периоды интеллигенция обозначалась различными понятиями: «ши», «шидайфу», «вэньжэнь», «шэньши» и «синьшэнь». В современном китайском языке слово «интеллигенция» - «*zhishifenzi*» означает «часть общества, обладающая знаниями». Особенностью определения интеллигенции в КНР является то, что к ней причисляют людей, получивших высшее, среднее специальное или даже просто среднее образование и работающих в сфере экономики, культуры, науки, литературы и искусства, просвещения, медицины, а также отвечающих этому критерию работников партийного и государственного аппарата, финансово-экономических, правовых и военных организаций, промышленности, сферы обслуживания и торговли и т.п.

В обществоведении существуют разные подходы к определению интеллигенции. Все многообразие понятий можно свести к трем основным подходам. Первый определяется как нравственно-этический. Интеллигенция - это категория лиц, выделяемая по культурно-личностным качествам: глубине интеллекта, широкой эрудиции, следованию высшим, нравственным нормам, активной

¹ Степанов Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся «жертва» // Русская интеллигенция. История и судьба.-М.: Наука, 1999.- С. 17-18.

² Интеллигенция и концепция Дао в доциньском Китае (Сводный реферат) // Реф.:РЖ.Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10.Китаеведение.- 1992.- № 1.- С.111.

³ Bol P.K.. This Culture is Ours: Intellectual Transmission in Sang and Tang China.- Standford: SUP, 1992. – P. 12.

⁴ Интеллигенция и концепция Дао... – С.112

гражданской позиции. Второй – социологический, где интеллигенция описывается как социальный слой работников, функционально занятых сложным умственным трудом, обладающих, как правило, высшим или средним специальным образованием. И третий – социокультурный, социальный слой, который объединяет в себе признаки первых двух трактовок. **В данной работе мы будем пользоваться социкультурным определением, так как оно объединяет разные подходы и учитывает различные тенденции в изменении трактовки понятия «интеллигенция» в Китае.**

Для более тщательного и глубокого понимания современных процессов, мы считаем, необходимо рассмотреть зарождение, возникновение и формирование китайской интеллигенции, которая связана с общим генезисом интеллигенции.

Возникновение интеллигенции как социального слоя связано с общественным разделением труда, непосредственно с отделением умственного труда от физического. Умственный труд включает информационные, обучающие и творческие элементы, характеризуется отсутствием прямого взаимодействия работника со средствами производства и обеспечивает потребности производства в знании, организации и управлении. Умственный труд неоднороден. По степени сложности следует отличать труд эвристический от труда стереотипного, рутинного; трудовые операции, для успешного выполнения которых достаточно навыков и сноровки, до требующих научных знаний. Последние являются сферой деятельности интеллигенции.

Общественное разделение труда является одной из основных предпосылок возникновения дифференциации общества. Наиболее древними представителями умственного труда были жрецы, колдуны, астрологи. Они выполняли идеологические, мировоззренческие и хозяйственные функции. В первобытном китайском обществе ведущую роль играло небольшое количество людей, которые, как считалось, обладали особыми способностями. В эпоху Шан (XIII – XI вв. до н.э.) к числу этих людей относили гадателей («бужень»), в эпоху Чжоу (XI – V вв. до н.э.) – колдунов («у»), исполнителей ритуальных музыкальных мелодий («гу») и астрологов.

Генезис китайской интеллигенции связан с социальным слоем «ши». Все виды духовной деятельности в древнем Китае были непосредственно связаны с ши. А умственный труд стал их монополи-

ей. Многие известные в истории Китая теоретические труды были созданы представителями ши. Мыслители доциньского Китая принадлежали к данному социальному слою, и в этом смысле, как считают некоторые китайские ученые, понятия «ши» и «интеллигенция» были синонимами.¹ Социальный слой ши стал главным субъектом культуры и интеллектуального потенциала древнего и средневекового Китая.² Он стал носителем тенденций, утверждавших приоритет образования, норм морали и профессиональной компетенции.

С другой точки зрения, понятия «интеллигенция» и «ши» не являются тождественными. Следует уточнить, что в истории Китая интеллигенция редко в какие периоды существовала в «чистом» виде. Как правило, у нее наблюдались тесные кровнородственные связи с чиновной бюрократией.

Шижэнь в древнем и средневековом Китае главным делом своей жизни считали поступление на службу в качестве чиновников. Одновременно и правители всегда рассматривали шижэнь как главный источник кадров чиновников. Иными словами, шидайфу представляли собой одновременно и интеллигенцию, и чиновников.³

В условиях распространенной в эпоху Чжоу системы наследственных пожалований сложилась пирамидообразная иерархическая структура общества, внутри которой выше ши располагались Сын Неба (император), чжухоу (князя) и дафу (сановники, министры). Отсюда следует, что в условиях названной системы ши составляли низший слой аристократии, располагаясь в структуре социальной иерархии ниже слоя дафу, возвышаясь над простонародьем, которое обозначалось понятиями «шужэнь» или «шуминь».⁴

С наступлением эпохи Чуньцю (VIII – V вв. до н.э.) в социальном статусе ши произошли коренные изменения, связанные с распадом системы земельных пожалований эпохи Западного Чжоу (1027 – 771 гг. до н.э.). В эпоху Чжаньго (V – III вв. до н.э.) ши уже не

¹ Лю Цзэхуа, Лю Хунтао, Ли Жуйлань. Шижэнь юй шэхуй (сянь Цинь цзюань).- Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1988. – № 4. – С.217.

² Янь Буке. Шидайфу цзенхэ ды синче // Вэньши чжиши.- Пекин. – 1989. – № 9. – С.14.

³ Янь Буке. Указ.соч. – С.15.

⁴ Юй Инши. Интеллигенция в Китае: исторический обзор // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10. Китаеведение. – 1992. – № 1. – С.111.

входили в состав аристократии, а превратились в верхний слой «четырёх категорий народа» («сы минь»). Этими «четырьмя категориями» были: ши, торговцы, земледельцы и ремесленники. Граница между социальными слоями ши и шужэнь (шуминь) оказалась размытой. Ши перешли из низшего слоя аристократии в верхний слой «четырёх категорий народа».¹

Вплоть до эпохи Чуньцю ши еще не представляли собой интеллигенции в современном ее понимании, поскольку их интеллектуальный потенциал в то время не только не включал в себя теоретических концепций и учений, но и вообще не представлял собой систематизированного знания.²

С наступлением эпох Чуньцю и Чжаньго круг значений понятия «ши» заметно расширился. Но костяк того социального слоя, который обозначался понятием «ши», по мнению китайских исследователей, стал уже составлять интеллигенцию.³

В эпоху Чуньцю ши находились на стадии перехода от сословий к социальным слоям. Сословия устанавливаются официальными декретами власти или нормами обычного права. Социальные слои формируются в отличие от сословий под воздействием множества факторов. Основными среди этих факторов являются формы деятельности в обществе. Под так называемыми формами деятельности здесь имеется в виду, главным образом, интеллектуальная деятельность. Эта деятельность в обществе может быть направлена на разные классы, разные группы и силы. Отсюда формируется разнотипная интеллигенция.

В социальном слое ши эпохи Чжаньго можно – в зависимости от социального положения, социальных функций – выделить семь групп ши. Одну из них представляли собой ши-воины. Вторая группа была представлена теми ши, деятельность которых полностью лежала в сфере культуры (в том числе и философы). Третья группа была представлена ши-чиновниками, четвертая – занимавшимися ремеслами. Пятая группа была представлена ши-купцами, а шестая – ши, сведущими в оккультных науках. В седьмую группу можно

¹ Янь Буке. Указ. соч. – С. 12.

² Янь Буке. Указ.соч. – С.15.

³ Лю Цзэхуа, Лю Хунтао, Ли Жуйлань. Шижэнь юй шэхуй (сянь Цинь цзюань). – Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1988. – № 4. – С.8.

включить всех остальных ши. Но в целом ши эпохи Чжаньго занимались, главным образом, интеллектуальной деятельностью.¹

Преобразование ши из сословия в социальный слой привело к появлению нового понятия – «шидайфу». До эпохи Чжаньго понятия «ши» и «дайфу» обозначались два примыкавших друг к другу социальных статуса. Второй был выше первого. Особенность нового социального слоя шидайфу заключалась в том, что в его рядах объединялись интеллигенция и чиновничья бюрократия. Между первоначально существовавшими ши и появившимися впоследствии шидайфу имелось одно существенное различие: шидайфу владели (собственной) землей, а ши – нет. Иными словами, ши не обладали экономической самостоятельностью.² Представителей этого слоя часто называли «вольными ши». При этом понятие «вольный» имело два разных значения. Первое из них было связано с тем обстоятельством, что ши свободно перемещались в то время из одного государственного образования в другое в поисках службы; а второе – с тем, что ши вышли за пределы той структуры связей, существование которой было обусловлено функционированием системы земельных пожалований.

В результате выхода ши за пределы этой структуры связей и появления социальной мобильности ши освободились от ограничений, связанных со строго фиксированным социальным статусом; последнее же привело к тому, что и мышление ши также раскрепостилось. В итоге ши, с одной стороны, утратили гарантированность своего социального, экономического и политического статуса, но с другой, избавились от оков, ограничивавших развитие их менталитета. В это время конфуцианцы и даосы выступили с критическими оценками общества, в котором они жили. Эти выступления воплотили в себе стремление социального слоя ши к утверждению в обществе основных общечеловеческих ценностей.

Таким образом, различие между представителями социального слоя ши двух эпох – Западного Чжоу и послеконфуциевой – заключалось в том, что на менталитет первых накладывали ограничения их социальные и политические статусы, а менталитет вторых был уже освобожден от этих ограничений. В результате появления этого

¹ Лю Цзехуа, Лю Хунгао, Ли Жуйлань. Указ. соч. – С.21-37.

² Там же. – С.115, 116, 135.

различия впервые в истории Китая возникли истоки формирования интеллигенции.

Интеллектуальные процессы, протекавшие в эпоху Тан (618 – 907) и Сун (960 – 1279), характеризуются определяющим влиянием ши на политику и культуру Китая. Социальный слой ши за шесть веков претерпел сложные социальные трансформации. Строить танское государство начинали ши – представители знатных родов, а к концу Северного Сун ши стали местной политической элитой не обязательно знатного происхождения.¹

Основатели сунской империи сразу же вычленили из общей массы подданных социальную группу, способную управлять страной, и взяли ее под покровительство. При их правлении ши становились благодаря собственным знаниям и способностям. В сунский период «ши как культураносный слой и совокупность родов с определенным происхождением сохранился благодаря сочетанию определенного уровня образования и несения службы». Однако ши стали занимать менее влиятельные чиновничьи посты и то только благодаря своей гуманитарной образованности. Не случайно в этот период как синонимы понятия ши употребляли термины «вэньчэнь» («гражданский чиновник»), «вэньжэнь», «вэньши» («интеллектуал»), «жу», «жуши», «вэньжу» («конфуцианец»). Однако сами ши предпочитали при самоопределении использовать термин «вэнь цзя», «вэнь сюэ» («литератор, учитель»)²

Социальный слой ши превратился из аристократической элиты в элиту культурную. Для большинства ши основополагающим было соответствие этическим стандартам, а не занятие определенной должности. В данном качестве ши выполняли функции передачи, накопления знаний и методов деятельности. Число людей, занимающихся умственным трудом, по мере усложнения видов деятельности, увеличивается. Появляются небольшие группы воспитателей, врачей, художников и т.д.

Роль интеллигенции с переходом от традиционного общества к индустриальному, от индустриального к информационному постоянно повышается. Некоторыми социологами высказываются мысли даже о грядущем господстве интеллигенции (например, Д. Белл, О.Го-

¹ Bol P.K. This culture is ours: intellectual transmission in Tang and Sung China. – Standford, 1992. – P.84

² Там же. – P.84.

улднер, Г.Конрад и И.Селеньи). По мнению французского социолога А. Турена, господствующее положение данной группы определяется доступом к наибольшему количеству информации.

Интеллигенция имеет дело со сложными и опосредованными от экономики и политики формами духовной деятельности, где особенно рельефно проявляется относительная самостоятельность идеологии, искусства и культуры. Эта относительная независимость духовных факторов представляет один из показателей уровня развития цивилизации. Производство духовных благ ценно не только само по себе, но и тем, что оно направляет развитие производства материальных благ от низшего уровня к высшему.

Появление новых видов умственного труда, размывание границ между жизнью активной и жизнью созерцательной, усиление технократической культуры, прагматичности и рационализма приводит к изменению содержания понятия «интеллигент». Часто ему противопоставляется понятие «интеллектуал». Их принято различать. Считается, что понятие «интеллектуал» обозначает интеллект вообще, познавательные способности человеческого разума или личностную характеристику человека. А «интеллигент» несет социальную нагрузку. Мы не согласны с такой постановкой вопроса.

В данной работе эти понятия будут взаимозаменяемые. Некоторые аргументы в пользу такой постановки вопроса. Обратимся к «Словарю русского языка»: «...в русском языке довольно трудно найти различия между понятиями «интеллектуал» и «интеллигент». Первый определяется как человек, живущий духовными интересами, или занимающийся высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности. Интеллигент – тот, кто принадлежит к интеллигенции. Последние являются социальной группой, состоящей из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом».¹

В «Социологическом энциклопедическом словаре на русском, английском, немецком, французском и чешском языках» под редакцией Г.В.Осипова в одном из четырех определений понятия «интеллигенция» записано: «То же, что интеллектуал».²

¹ Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – С.22–24.

² Социологический энциклопедический словарь на русском, английском, немецком, французском и чешском языках. – М.: Инфра-М-Норма, 1998. – С.107.

По мнению авторов «Большого толкового социологического словаря» (Collins), разные толкования этих понятий связаны с тем, что «интеллигенция» – понятие специфическое, характерное для русской, польской и отчасти французской исторических школ.¹

Специфика данной работы заключается в том, что в ней сводятся воедино понятия интеллигенции, используемые в русском, китайском и английском языках. В английском языке редко употребляется термин «intelligentia», чаще «intellectual». Как правило, оно обозначает «людей с высшим и средним специальным образованием, занятых умственным трудом». В китайском языке современное значение интеллигенции, как уже говорилось выше, буквально переводится как «часть общества, обладающая знаниями». Мы считаем, что данные значения не учитывают всю специфику понятия «интеллигенция». Необходимо наряду с социологическими критериями учитывает и нравственно-этические, так как интеллигенция являлась хранителем всех этических норм, закрепленных в китайском обществе. В данном исследовании базовыми будут служить определения, данные И.И.Осинским: «Интеллигенция – социальный слой, члены которого функционально заняты сложным умственным трудом и обладают общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами»² и М.Вебером: «Интеллектуалы – это группа лиц, являющаяся носителями культурных ценностей и достижений в обществе».³ Данные определения точно характеризуют социальный слой ши в Китае, который являлся самым образованным слоем и был хранителем культурных и этических ценностей китайского общества.

Для более глубокого понимания проблемы рассмотрим взгляды на природу интеллигенции двух наиболее влиятельных социологических школ: структурного функционализма и марксизма. Структурный функционализм акцентирует внимание на особенности участия интеллигенции в производстве материальных и символических ценностей, обусловленной структурной позицией, которую она занима-

¹ Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О). – М.: Вече АСТ, 1999. – С.250.

² Осинский И.И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты. – Часть 1. – Улан-Удэ: БГУ, 1997. – С. 3.

³ From Max Weber. Gerth H.H. and C.Wright Mills (eds). -NY, 1946.-p.17.

ет в процессе общественного разделения труда.

Представитель данного направления Э.Шилз дал следующее определение: «Интеллектуалы – совокупность личностей в любом обществе, которые используют в своем общении и самовыражении символы общей компетенции и абстрактных отношений, касающихся человека, общества, природы и общества, с относительно более высокой частотой, чем большинство других членов общества».¹ Китайские интеллектуалы всегда являлись генератором и хранителем всех мировоззренческих идей, философских и этических категорий.

«Интеллектуалы как группа характеризуется особым образованием и функцией. Они собирают информацию и, исходя из логики своего профессионального статуса, используют ее для оценки окружающего мира».² Данное определение дано в 1954 г. в статье «Общественное мнение и интеллектуалы» Фр. Вилсоном. Это была одна из самых первых попыток сформулировать новую научную дисциплину под названием «социология интеллигенции». Был определен основной критерий принадлежности к интеллигенции: способность обеспечить себе бесперебойный доступ к источникам знания и возможность демонстрировать наличие подобного доступа в самых различных формах. Возникают актуальные и на сегодняшний день вопросы: «Чем отличается владение знанием (или информацией) от традиционных форм собственности и почему знание становится основой иной, оппозиционной, как правило, системы ценностей?».

Т.Парсонс пытался ответить на этот вопрос, отталкиваясь от тезиса об «аналитической независимости» социальной и культурной систем друг от друга. По определению Парсонса: «Социальные системы образуются как результат неизбежного взаимодействия существующих в обществе групп и индивидов, тогда как культурные системы складываются в ходе воспроизводства смысла в пределах символических систем».³

Проблема возникает в процессе «взаимодействия» этих двух

---

¹ Shils E. Intellectuals Encyclopedia of the Social Sciences N.Y.: The Macmillan Co & The Free Press, 1968, Vol. VII.- P.413-414.

² С.А.Ушакин. Функциональная интеллигентность. // Полис: политические исследования.-1998.-№ 1. – С.9.

³ Parsons T. The intellectual: a social role category. – On intellectuals. Theoretical studies. Case studies. –N.Y., 1964. – P. 3.

систем, поскольку, по Парсонсу, особенностью символических систем является их в значительной степени «нормативный» характер, ориентация на анализ и оценку действительности не с позиции фактически случившегося, а с позиций того, что должно было бы произойти в соответствии с определенной схемой.¹

По Парсонсу, система распределения поощрений является основным критерием в построении стратификационной схемы, и именно она определяет значимость данной системы ролей в конкретном обществе.² Для социальной стратификации китайского общества, где государство имеет эффективные рычаги поощрения и наказания данный критерий особенно значим. Также важен критерий, определяющий взаимодействие стратификационной системы и системы ценностей, так как это одна из основных характеристик, с помощью которых мы определяем интеллигенцию – обладание общепризнанными развитыми культурно-нравственными качествами.

Мы считаем, что данный фактор является обязательным. Совокупность культурно-личностных качеств всегда выражается понятием интеллигентность. Данная категория включает в себя такие понятия, как гуманизм, глубина интеллекта, широкая эрудиция, следование нравственным нормам, активная гражданская позиция, компетентность, профессионализм, ответственность. Сюда можно добавить патриотизм.

Данная черта особенно характерна для китайской интеллигенции. Для ханьцев характерен менталитет, основанный на этноцентризме, например, названия древнего Китая – Тянься (Поднебесная), Чжунго (Срединное государство) существуют до сих пор. Как позже древние греки считали остальные народы варварами, так и древние китайцы представляли свое государство как очаг развитой культуры, за пределами которой находится весь остальной мир.

Китайская цивилизация – одна из самых древних и развитых, в истории которой можно проследить тенденцию ассимиляции китайской культурой других народов. Поэтому, начиная с первой волны модернизации, а точнее проникновения западных государств, перед китайской интеллигенцией как наиболее прогрессивной частью общества стояла проблема соотношения западного и национального.

---

¹ Ушакин С.А. Указ.соч. – С.10.

² Parsons T. Social systems. – N.Y.: Free Press. – P.152.

Отношение к «западной» науке и культуре со второй половины XIX века стало одним из главных спорных вопросов, разделяющих китайскую интеллигенцию вплоть до наших дней. В 1990-х годах появилась концепция «культурного национализма», в соответствии с которой традиционная китайская культура рассматривается как символ борьбы с западной культурной гегемонией и подчеркивается ее роль в поддержании политической стабильности. С точки зрения сторонников «культурного национализма» «западные нации стремятся превратить Китай в страну наподобие Индии или Мексики», поэтому китайцам необходимо стать «концептуально свободными от идеологических уз западного образца мышления».¹

Антизападническое течение «культурного национализма» неоднородное. В нем можно выделить три направления. Интересен тот факт, что большинство интеллектуалов, проповедующих националистические идеи, прошли обучение или стажировку в западных научных учреждениях. Многие китайские ученые и студенты, обучавшиеся в США, ощутили несоответствие своих идеалистических представлений о западных ценностях с реальной действительностью. Они испытали при этом разные чувства: от психологического шока до унижений, связанных с языковым барьером, культурными различиями и финансовыми трудностями.²

Объединенные общим желанием видеть свою страну великой державой китайские интеллектуалы за непродолжительный период прошли путь от «упоительного увлечения» западными идеями и полным отрицанием традиций до коренной переоценки собственных ценностей и отторжения западной идеологии. Тем не менее, в Китае не все ученые изыскиваются в националистической тональности.

Например, бывший вице-президент АОН Китая Ли Чжэньчи уже несколько лет публикует статьи по проблемам «теории глобализации», в которых утверждает, что если Китай стремится играть значительную роль в будущем мире, который становится все более интегрированным, ему не следует «заново изобретать колесо» и рано

¹ Zhao Suisheng. Chinese intellectuals quest for national greatness and nationalistic writing in 1990s // *China quart.* – 1, 1997. – № 152. – P. 736.

² Китайские интеллектуалы и национальная идея. (Сводный реферат) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 1998. – № 4. – С.97–104.

или поздно придется принять правила игры независимо от национальных пристрастий. Только «культурный диалог» между Западом и Востоком сможет обеспечить Китаю положение мировой державы «равной среди сильнейших».¹

Если в рамках структурно-функционального подхода решающим фактором выступает участие интеллигенции в производстве материальных и символических ценностей, обусловленное структурной позицией, которую они занимают в процессе общественного разделения труда, то в марксистском подходе упор делается на распределении собственности и власти в обществе. Марксистская интерпретация роли и места интеллигенции в значительной степени основана на попытке осознать, что именно происходит в обществе в момент его коренной трансформации.

В отличие от представителей структурно-функционального подхода, озабоченных проблемами институализации практик и социальных групп, марксизм акцентирует момент социального «взрыва», «слома» или «перестройки», изменяющий сложившиеся иерархии и, соответственно, дающий возможность появления новых действующих лиц.² В отличие от «буржуазии», «крестьянства» или «рабочего класса», роль и место «интеллигенции» как понятия и как группы в марксистской практике и теории особой четкостью дефиниции не отличаются. Карл Мангейм видел в самом существовании интеллигенции сложнейшую социологическую проблему.³

По мнению С.А.Ушакина, «сложность» интеллигенции кроется в исходных взглядах марксизма на природу социальной структуры общества.² Поскольку суть интересов в марксистской интерпретации, в конечном счете, детерминируется отношениями собственности, постольку положение интеллигенции есть положение промежуточное, неустойчивое, зависимое.⁴

Выделяются особенности взаимоотношений между интеллиген-

¹ Китайские интеллектуалы и национальная идея. (Сводный реферат) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 1998. – № 4. – С.104.

² Ушакин С.А. Интеллигентность сквозь призму интересов // Полис. – 1998. – № 4. – С.30.

³ Mannheim K. Ideology and utopia. An introduction to the sociology of knowledge. - N.Y., 1936, p. 155-156.

⁴ Ушакин С.А. Указ. соч. – С.21–35.

цией и миром производства: они носят не непосредственный и прямой характер, присущий всем основным социальным группам населения, а являются в различной степени опосредованными всей социальной тканью, комплексом надстроек, служащих основной сферой приложения труда интеллигенции. В методологической схеме А. Грамши выделяются два основных типа интеллигенции: «органическая» и «традиционная». Говоря о первой из них, он отмечал: «Всякая социальная группа, рождаясь на исконной почве экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев интеллигенции, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли не только в экономике, но также и в социальной и политической областях: предприниматель-капиталист создает вместе с собой техника для промышленности, ученого-специалиста по политической экономии, организатора новой культуры, нового права и т.д. и т.п.»¹ Иными словами, для Грамши, как, например, и для Луначарского², задачи интеллигенции сводятся ко внешнему оформлению того или иного класса, к переводу неочевидных экономических показателей могущества (или бессилия) конкретной социальной группы на язык общедоступных символов.

Какое положение занимает интеллигенция в обществе с точки зрения марксистского подхода? Социально-экономическое положение интеллигенции специфично, она занимает своеобразное положение среди других классов и слоев, примыкая отчасти к господствующим классам, отчасти к наемным работникам. «Состав «интеллигенции», - писал В.И. Ленин, - обрисовывается так же ясно, как и состав общества, занятого производством материальных ценностей».³ Также специфично и социально-политическое положение интеллигенции: она формирует классовое сознание и политически организует все классы и социальные слои общества.

«Интеллигенция – писал В.И. Ленин, « потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе».¹

---

¹ Там же. – С.23.

² Грамши А. Тюремные записки . – Избранные произведения. Т.3. – М., 1959. – С. 457.

³ Луначарский А.В. Об интеллигенции. Сб.ст.-М.: 1923. – С. 22.

В КНР марксистско-ленинская методология рассмотрения интеллигенции была подвергнута пересмотру со стороны Мао Цзэдуна. С момента создания Китайской Народной Республики в 1949 г. встал вопрос об отношении к интеллигенции. Данная проблема уходит своими корнями в события прошлого. В Китае с конца XIX в. по конец 20-х годов XX в. происходил процесс вычленения интеллигенции из слоя ученых – шэньши, которые на протяжении веков управляли Китаем. По мнению П.Сорокина, они определили «литературный» и непрактический характер правительства мандаринов, которое представляло собой правительство интеллигентов.² В стране стала появляться современная, «органическая», по терминологии А.Грамши, интеллигенция. Часть «традиционной» интеллигенции, разувверившись в конфуцианских канонах и догмах, обратила свой взор к философским, политическим и экономическим учениям, сложившимся в странах Запада. При этом представители современной интеллигенции – инженеры, врачи, ученые, юристы (их называли синьшэнь – новые шэньши) – воспринимали западную культуру сравнительно естественным путем: они учились в странах Европы, а иногда там же начинали работать, не имея возможности овладеть профессией в Китае.

Однако для представителей традиционной интеллигенции обращение к западным идеям и теориям означало фактическое признание интеллектуального и морального превосходства западной культуры. В этой ситуации наблюдается конфликт между двумя типами интеллигенции: «органической» (а в другой терминологии Грамши – «городская») и «традиционной», или сельской, который снимается посредством ассимиляции «традиционной» интеллигенции «органической». Средством подобной ассимиляции является, по Грамши, современная политическая партия.³

Данный процесс происходит в Китае с середины XIX века и связан с реформаторским движением и именами виднейших интеллек-

---

¹ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов ? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов). – Т.1. – М. – С. 305.

² Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. Письмо первое. – Т.7. – М. – С.343.

³ П.Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политическая литература. – 1992. – С.414–415.

туалов: Вэй Юаня (1794-1856), Фын Гуйфэня (1809-1857), Кан Ювэя (1856-1929), Сунь Ятсена (1866-1925) и других. В отличие от старой интеллигенции, которая критиковала власть ради сохранения имперского порядка, современная интеллигенция концентрировала свои усилия на отрицании существующего строя и заимствования передового, западного опыта. При этом соблюдался принцип "...восточное учение – основное; западное учение – прикладное" («чжун сюэ вэй бэнь, си сюэ вэй юн»).

До конца 20-х годов китайская интеллигенция еще не была сложившейся социальной группой. Борьба интеллигенции за самоопределение происходила в то время, когда не было полной ясности в ответе на вопрос: «что значит быть китайцем?». В то время интеллигенция была расколота в своем отношении к конфуцианской традиции и народу. Современная интеллигенция появилась в Китае не раньше 90-х годов XIX века, когда представители образованной элиты предпринимали попытку укрепить традиционный образ жизни китайского общества, изменить его культурную и институциональную основу с помощью заимствования иностранного оружия, технологий, создания новых предприятий по западному образцу.

Поворотным моментом в эволюции современной китайской интеллигенции была отмена в 1905 г. экзаменационной системы, означавшей разрыв существовавшей на протяжении веков связи между знанием конфуцианских канонов и доступом к политической власти. Новая интеллигенция, называвшая себя «просвещенными учеными», отличалась большей независимостью во взглядах и большей социальной мобильностью, нежели ее конфуцианские предшественники, была сосредоточена в портовых городах – анклавах иностранного могущества в Китае. Хотя интеллигенция составляла лишь незначительную часть населения, но играла неизмеримо большую роль, нежели ее численность.¹

Интеллигенция выступила с идеей полного изменения традиционных культурных ценностей, чтобы освободить китайский народ от власти патриархальных традиций. В качестве противоядия «рабским умонастроениям» китайского народа они предлагали такие за-

---

¹ Грамши А. Тюремные записки. - Избранные произведения. Т.3. – М., 1959. – С. 458.

падные ценности, как свобода, равенство, личная независимость. Интеллигенция была активным организатором и участником движения «4 мая» 1919 г.

Начиная с момента образования коммунистической партии Китая (КПК) в 1921 году, укоренился взгляд на интеллигенцию как на закоренелую «мелкую буржуазию» и на противостоящую ей «партийную интеллигенцию» одновременно.¹

В ходе эволюции китайская интеллигенция, особенно с конца 20-х годов XX в., стала во все возрастающей степени связывать себя с проектами государственного и партийного строительства, сохраняя веру в то, что только она одна может выступить в роли спасителя нации. Но с того момента, когда Гоминьдан и КПК стали опираться в исполнение проектов на мобилизацию масс, роль интеллигенции уменьшилась. В то же время строительство новых военных и политических институтов, опиравшихся на массы, поднимало роль «хорошо осведомленных элементов».²

До 1949 года, согласно расчетам Л. Орлеанса, Китай располагал всего лишь 148 тысячами дипломированных специалистов высшей квалификации. В 1949 году численность научных работников составляла не более 50 тысяч человек, среди них не более 500 вели научно-исследовательскую работу. В стране было не более сорока научно-исследовательских организаций. О нехватке научных кадров свидетельствует тот факт, что первый список академии наук КНР насчитывал всего лишь 233 фамилии.³

Одновременно отраслевые организации создали свои научно-исследовательские учреждения. К 1955 году существовало уже 840 научно-исследовательских институтов, контингент научных работников возрос до 400 тысяч человек.⁴

В середине 50-х годов была провозглашена политика «расцвета

---

¹ Смит С.А. Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: Санкт-Петербург, 1895-1917 гг. и Шанхай, 1921-1927 гг.// Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10, Китаеведение. – 1997. – № 2. – С.120.

² Смит С.А. Указ.соч. – С.124.

³ Смит С.А. Указ.соч. – С.127-128.

⁴ Сташевский В.А. Некоторые вопросы организации научной деятельности в КНР// Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М., 1978. – С. 57.

и борьбы», которая призывала интеллигенцию помочь партии уничтожить бюрократизм, фракционность и субъективизм. Сразу же были проведены чистки среди интеллигенции, и значительная часть ее была снята с должностей и отправлена в деревню «на перевоспитание». Но после кампаний «против правых» и «большого скачка» разразился экономический кризис, который вынудил партийное руководство вновь призвать интеллигенцию на ключевые посты в науке и образовании и позволил прежним «правым» вернуться на прежние должности.

Положение интеллигенции в 50–70-е годы XX в. было неустойчивым. В руководстве КНР проявлялись две тенденции по отношению к интеллигенции, связанные с противоборством Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. В течение долгого времени интеллигенция считалась социальной группой с неопределенным статусом: она относилась не к рабочему классу, а скорее к буржуазии. Так было до января 1956 г., когда ЦК КПК созвал специальную конференцию, посвященную интеллигенции. В своей речи премьер Госсовета Чжоу Эньлай объяснил отношение партии к этой проблеме, согласно которому подавляющее большинство интеллигенции стало государственными рабочими, трудящимися во имя социализма и являлось отныне частью рабочего класса.¹ Но на II Пленуме ЦК КПК 8-го созыва (ноябрь 1956 г.) Мао Цзэдун отнес преподавателей к буржуазии и назвал их объектом критики и идейного перевоспитания. Во взглядах Мао Цзэдуна на интеллигенцию отчетливо проявлялись махистские тенденции.

В начале 60-х годов Чжоу Эньлай снова повторил на конференции в Гуанчжоу, что подавляющее большинство интеллигенции, с энтузиазмом работающее на благо социализма, принимающее руководящую роль партии и готовое к самореформированию, относится теперь к рабочему классу и не должно рассматриваться как буржуазия. В то же время вице-премьер Чэнь Йи говорил: «Китаю нужна интеллигенция, нужны ученые. В течение всех этих лет с ними обращались несправедливо. Их следует вернуть на те посты, которые они заслуживают».²

Результатом этих дискуссий стало преобладание авторитета и

¹ Китай. – Пекин: Синьсин, 1990. – С. 217.

² Zhou Enlai. On the question of intellectuals // Communist China 1955-1959: Policy document with analysis / Ed. R.B.Bowie, J.K.Fairbank. Cambridge, 1962. - P.128-144.

взглядов Мао Цзэдуна и во время «культурной революции» интеллигенция была причислена к социальным изгоям наряду с помещиками, кулаками, контрреволюционерами, социально вредными элементами, правыми, предателями, шпионами и «идущими по капиталистическому пути». «Культурная революция» нанесла ощутимый урон интеллигенции и парализовала систему образования Китая. В 1966 году страна отказалась от формального высшего образования. Мао Цзэдун объявил, что период обучения нужно сократить, стандартный курс обучения продолжался три года; самое продолжительное образование было сокращено с шести до четырех лет. Считается, что из-за «культурной революции» Китай потерял, по меньшей мере, один миллион выпускников и 100 тысяч аспирантов.¹

По китайским данным, на конец 70-х годов численность интеллигенции равнялась двадцати пяти миллионам человек.² Однако в ее состав были включены не только окончившие высшие и средние специальные учебные заведения, но и лица, ставшие специалистами на практической работе или путем самообразования, выпускники «учебных» заведений с предельно упрощенной и ускоренной программой типа курсов «босоногих врачей», «университетов 21 июля» и т.д. Подобные методы подготовки вели к заметному снижению уровня профессиональной подготовки, количественный рост рядов интеллигенции не мог привести к качественным сдвигам. Такая политика отбраковывания лучших и искусственного интенсивного пополнения из иных социальных групп истощила китайскую интеллигенцию и лишила укорененности и зрелости.

Современная структура китайского общества представляет собой пеструю и сложную картину. По мнению Е.Г. Пашенко, до настоящего времени границы основных классов общества окончательно не сложились, между ними сохраняются промежуточные слои и группы, которым не свойственны четкие классообразующие признаки.³ Место интеллигенции окончательно не установлено, также остается зависимым от государственной политики.

¹ Nie Ronzhen. Inside the Red Star: the memories of marshal Nie Ronzhen. Beijing, 1988 – P.722-723.

² Qu Shipai. Zhongguo daxiejiaoyu fazhanshi.-Shanxi, 1993.- P.648.- (Развитие университетского образования в Китае)

³ Е.Г.Пашенко. Социально-классовая структура общества // Государственный строй КНР. – М., Наука, 1998. – С. 73–82.

Период модернизации, последовавший после «Культурной революции», повысил роль интеллигенции в обществе, хотя контроль и давление со стороны партии сохранились и время от времени усиливались, что показали различные кампании 80-х годов. В целом, с начала преобразований в стране престиж интеллигенции возрос.

По данным социологических исследований, проведенных китайскими и американскими исследователями в Пекине и Тяньцзине в 1983 и 1988 годах соответственно, по вопросу о статусе различных профессиональных групп наивысший балл получили профессии, ассоциируемые с высоким уровнем образования и особой квалификацией (ученые, врачи, инженеры, писатели и преподаватели вузов), а также кадровые работники центральных и провинциальных органов управления.¹

Сведения о количестве интеллигенции в КНР противоречивы. По подсчетам западных исследователей, в 80-е годы удельный вес лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, в КНР составлял 0,6% от всего населения.² Из расчета общей численности населения в один миллиард двести миллионов человек приблизительно получаем цифру семь миллионов двести тысяч.

Согласно данным всекитайской переписи населения 1982 г., в КНР насчитывалось 26,46 миллионов человек, имевших высшее и среднее специальное образование, а также 8,13 миллионов человек, занимавших руководящие должности на предприятиях и в организациях. Таким образом, в 1985 г. общая численность социального слоя интеллигенции оценивалась примерно в 34 миллиона человек (6,8% экономически активного населения).³

По данным Председателя государственного комитета по делам образования Чжу Кайсюань: «За 16 лет после начала проведения политики реформы и открытости общество пополнилось почти 10 миллионами выпускниками университетов, подготовлены 15 тысяч докторов наук и 260 тысяч магистров. К 2000 году примерная чис-

¹ Е.Г.Пашенко. Указ.соч. – С.77–78.

² Престиж профессий среди городского населения Китая. // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – 1998. – № 2. – С.19–24.

³ Merle Goldman. The Intellectuals in the Deng Xiaoping Era // State and Society in China.- Boulder. – 1992. – P.67.

ленность слушателей основных и специальных курсов в высшей школе должна составить 6 миллионов 300 тысяч человек».¹

Экономические реформы, изменение и возникновение новых форм собственности повлекли за собой трансформацию социальной структуры. Основу социальной структуры составляют социальные слои и классы китайского общества, характеризующиеся вертикальной связью типа «руководство – подчинение», патернализмом и клановостью. Данные типы связей начинают претерпевать изменения с введением рыночной экономики. В государственной социалистической экономике доступ к ресурсам регламентирован чиновничьей бюрократией. Рыночный обмен стимулирует развитие горизонтальных связей между субъектами экономики и снижает ценность вертикальных связей.

В последние годы появились новые слои, социоструктурные образования: предприниматели и менеджеры, кооператоры, фермеры, свободные профессионалы, наемные работники в частном секторе, безработные и другие. Согласно данным общекитайского выборочного исследования, проведенного в 1994 г., высшее образование имели 17% инвесторов и владельцев частных предприятий. 72% окончили среднюю школу 1-й и 2-й ступени или получили среднетехническое образование и только 1% неграмотных.² Эти данные свидетельствуют об изменении места интеллигенции в структуре китайского общества.

К современному китайскому обществу может быть применена следующая методология: классовый подход и многомерный иерархический подход. К.Маркс и М.Вебер положили начало двум основным видениям социального неравенства, в основе которого три критерия: богатство или имущественное неравенство, престиж и власть. Эти три характеристики не всегда совпадают.

Выводы последователей К.Маркса можно сформулировать так: если вы не равны во всем, то потому, что не равны в одном; три измерения совпадают, накладываются друг на друга; все сводится к

¹ Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития. – М., 1991. – С.221

² Чжу Кайсюань. На пороге XXI века: реформа и развитие образования в Китае. // Развитие образования и науки на пороге XXI века. (Сборник сообщений). – М.: МАН ВШ, 1995. – С. 44–54.

неодинаковому положению к собственности, а три измерения лишь кажущиеся различия. Поэтому стратификация одномерна.

М.Вебер и его последователи утверждают противоположное: если мы не равны в одном, то это не означает, что мы не равны во всем; три измерения не обязательно совпадают; стратификация всегда трехмерна. Поэтому мы можем выделять высшую интеллигенцию и массовую. Для современного китайского общества будет правильным объединение обоих подходов к рассмотрению социальной структуры.

Особенностью социальной структуры китайского общества является наличие особой группы – кадровых работников – «ганьбу», занимающих специфическое положение в партийном и государственном аппарате. Часть их них можно отнести к интеллигенции. Главным образом, они занимаются организаторскими функциями и обладают властными полномочиями.

Критерий власти имеет особое значение в китайском обществе. Тот, кто имеет власть, имеет и доступ к привилегиям, богатству и престижу. В современном Китае наблюдается тенденция перевода властных полномочий в экономические дивиденды. Особенно характерно для кадровых работников (ганьбу), которые продолжают играть важную роль в социальной структуре.

С началом реформ произошло важное изменение в рассмотрении структуры китайского общества. По мнению китайского исследователя Цюй Жэньцзя, исходная теоретическая модель «два класса, один слой» показала свою несостоятельность. Из нее следовало, что все труженики села оказались включенными в крестьянский класс, а все рабочие и служащие в городе – в рабочий. Кроме этого, оказалось, что определение крестьянства так же как и рабочего класса, фактически стало совпадать с местом жительства. Интеллигенция перестала выделяться отдельно и рассматривалась как служащие наряду с рабочим классом. Происходит изменение отношения к классовой теории: «КПК больше не станет рассматривать классовую борьбу как программную установку, а станет, исходя из принципа материального интереса, планировать строительство нашего общества, мобилизуя все позитивные социально-экономические факторы и содействуя процессу строительства социалистической модернизации».¹

По мнению Э.П. Пивоваровой, основными критериями стратификации китайского общества являются объем властных и управленческих функций, размер имущества и доходов, профессиональный и образовательный уровень. Руководствуясь такими основополагающими политическими, экономическими и социокультурными критериями, в современном Китае различают примерно пять социальных слоев: верхний, выше среднего, средний, ниже среднего, нижний. Интеллигенция занимает самый большой удельный вес (относительно к другим слоям) в слое «выше среднего» и особенно в «среднем». Существенно повысился в конце 90-х годов статус высшей интеллигенции, многократно увеличились доходы тех, кто готовит поколение образованных людей.²

По мнению китайской исследовательницы Хэ Циньянь³, нынешнее китайское общество можно грубо разделить на небольшой правящий слой, более значительный средний и большие маргинальные группы. В правящем слое выделяются три группы: политическая, экономическая и интеллектуальная. Политические и экономические правящие слои составляют около 7 миллионов человек, или 1 % занятого населения.

С середины 90-х годов некоторые передовые в техническом отношении предприятия Китая послужили базой для подъема нового среднего класса, который отличался доходами и статусом. Средний класс можно разделить на две части: наверху находятся хорошо оплачиваемые работники умственного труда, менеджеры средних и небольших предприятий государственного сектора, частные владельцы средних и мелких предприятий, сотрудники фирм с иностранным капиталом. Всего около 29,3 миллиона человек, или 4 % работающего населения. К 1998 г. 20% предпринимателей имели университетское образование. Внизу находятся научные сотрудники,

---

¹ Чуванкова В.В. Влияние развития индивидуального и частного секторов экономики на формирование социальной структуры китайского общества // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в. Тез.докл. VII международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История. Современность, перспективы». Часть 1. – М.: РАН ИДВ, 1996. – С.47–51.

² Цюй Жэньцзя. Изменение социальной структуры и интересов различных социальных групп. – М.: РАН ИСПИ, 1997. – С. 12–13.

³ Э.П.Пивоварова. Социальная трансформация китайского общества. – С.51.

юристы, преподаватели высшей и средней школы, сотрудники государственного аппарата среднего уровня и т.п. – всего 82 миллиона человек, или 11,8 % работающего населения.¹

Отсюда следует, что интеллигенция на этапе сегодняшней модернизации занимает важное место в структуре китайского общества. На первой Всекитайской конференции по теориям модернизации в ноябре 1988 года отмечалось, что степень грамотности и профессиональной подготовки являются важными индикаторами успеха преобразований современного общества.²

Создание «человеческого капитала», а в этом процессе роль интеллигенции является главной – становится важной составляющей нового этапа модернизации Китая. Китайская интеллигенция всемерно поддерживает реформы, которые содействовали укоренению и повышению их места в социальной структуре общества. В то же время они обеспокоены такими явлениями, как упадок морали, возрастание коррупции и захлестнувшего страну культа денег и погоня за материальными благами.

Китайская интеллигенция оказывает активное влияние на реформы, проходящие в стране. Это выражается как в разработке новых стратегических вопросов реформирования экономики, так и в политических демонстрациях. Правительство вынуждено искать новые подходы в диалоге с интеллигенцией, так как на современном этапе глобализации и интеграции мирового сообщества без высокообразованного общества и без лояльно настроенной интеллектуальной элиты невозможно конкурировать и процветать ни одной стране.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать: китайская интеллигенция имеет глубокие корни, основы формирования заложены в древности и связаны с общественным разделением труда; в начале формирования китайская интеллигенция представляла собой небольшую группу людей, которая трансформировалась в сословие, а затем в социальный слой; место интеллигенции в структуре китайского общества характеризуется как неустойчивое, зависимое от политики государства и его руководителей, но с момента модерниза-

---

¹ Хэ Циньянь. Складывается новая социальная структура Китая.- Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 2001. – № 3. – С.9–15.

² Н.Е.Боревская. Западу – западово // Поиск. – 2001. – № 26 (632). – С.8.

ции общества после «культурной революции» место и роль интеллигенции становятся все более значительными; в современном модернизирующемся обществе китайская интеллигенция стала социальной группой, с которой связывают и от которой зависит будущее КНР.

1.2. Условия и факторы развития интеллигенции в период модернизации общества

Развитие интеллигенции как социальной группы определяется различными условиями и факторами. Под условиями понимается то, от чего зависит нечто другое, что делает возможным наличие какого-либо явления (процесса, состояния и т.д.), фактор же – его движущая сила. «Фактор – воздействующий, влияющий; одно из определяющих обстоятельств; причина».¹ Факторы могут выступать в качестве объективных и субъективных. Их следует различать. Под объективными факторами понимаются условия, не зависящие от субъекта, абстрагирующиеся от его мнения, природы и интересов субъекта. «Таковы, например, природные условия, достигнутый уровень производства, исторически назревшие задачи и потребности материального, политического, духовного развития».² Согласно теории факторов (понимающей в качестве таковых состояние экономики, техники, культуры, религии, морали и т.д.), их совокупностью детерминируется развитие общества.

К субъективным факторам относится целенаправленная деятельность субъектов, их сознание, воля, умение действовать и тому подобное. Объективные факторы выступают определяющими, но их действие проявляется только через действие субъективных факторов.

Таким образом, условия – это лишь возможность воздействия, а факторы – условия в действии, состоявшиеся условия.

В качестве определяющего **условия**, оказавшего влияние на развитие интеллигенции, выступил процесс модернизации китайского общества, вновь начавшийся в последней четверти двадцатого века.

Модернизация традиционного общества – сложный процесс, охватывающий все сферы жизни общества: экономическую, социальную, политическую и духовно-нравственную. Нами рассматривается новый модернизм конца XX века, так как говорить о модер-

---

¹ Краткая философская энциклопедия. – С.474.

² Философский словарь /Под ред. И.Т.Фролова. – С.314.

низации китайского общества можно начиная со второй половины XIX века.

В общеметодологическом плане старый и новый модернизм отличаются друг от друга. Прежний модернизм основывался на формационном видении единой общечеловеческой истории, характеризующейся закономерным, восходящим движением (формационные ступени или этапы). Современный модернизм – на цивилизационной теории, где основным постулатом является право каждого народа на собственный социальный эксперимент.¹ Китай как нельзя лучше иллюстрирует данное положение.

Нынешняя, поздняя модернизация, протекающая в условиях интенсивной глобализации и информатизации всего человечества, в очень большой мере испытывает воздействие уже существующих моделей, стимулов и представлений.²

Модернизационная доктрина предполагает насилие государства как организованного инновационного субъекта по отношению к обществу, рассматриваемому как инертная социокультурная среда или периферия роста. В КНР инициатором модернизации является государство, которое довольно жестко руководит этим процессом. Интеллигенция является небольшим социальным слоем, но активно участвует в реформировании общества и играет заметную роль. Мы попытаемся рассмотреть, какие условия и факторы в процессе модернизации влияют на развитие интеллигенции.

Долгое время в основе представлений многих западных Китаеведов о путях перехода от традиционного общества к обществу современному в Китае была убежденность в том, что главным или даже единственным двигателем этого преобразования служит Запад, его культура, институты и технологии. В Китае идеи вестернизации владели умами многих выдающихся интеллектуалов в течение нескольких столетий. Ориентация на Европу служила орудием в борьбе с консерватизмом и отсталостью китайского общества. Ее сторонники подчеркивали отсталость Китая в сфере политики, науки, техники, культуры и необходимость заимствования западных достижений в этих областях. Впервые ориентация на Европу возникла еще на

¹ Панарин А.С. Политология. – М.: Проспект, 1997. – С.74–92.

² Я.М.Бергер. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис: политические исследования. – 1995. – № 5. – С. 60.

рубеже Минской и Цинской эпох, когда для Китая был открыт доступ к западной науке и культуре. Немалую роль в распространении вестернизаторских настроений играли миссионеры. На этой позиции стояли многие интеллектуалы – от Сюй Гуанци до реформаторов и идеологов движения «4 мая». Противоположную тенденцию представляли те, кто отстаивал превосходство национальной культуры, обличая пороки западной цивилизации: индивидуализм, гедонизм, попрание духовного начала в человеке. Между этими полюсами располагались позиции тех, кто по-разному стремился соединить плюсы китайской и западной традиций и очистить их от минусов.

В КНР до 1978 г. идеи модернизации по западному образцу считались «философией порабощения заграницей» (янну чжэсюэ). Этой идеологии противостоял маоистский тезис «опоры на собственные силы».

В середине XX века кризис как европоцентристской, так и англо-американской модели модернизации стимулировал и в мире, и в Китае стремление рассматривать проблемы развития в более широком плане: не только как экономические или политические по преимуществу, но, прежде всего, как коренящиеся в общем контексте культуры. Культурологический подход отверг поиск единого шаблона модернизации для всего мира равно как и попытки некритически следовать чужим образцам.

Сторонники этого (подхода к ним можно отнести классика социологии М.Вебера), подчеркивали, что культура оказывает большое воздействие на экономическое развитие, определяя, в частности, мотивацию хозяйственной деятельности, выбор установки либо на личную предприимчивость и инициативу, либо на общинную дисциплину, предпочтение инноваций или стабильности, степень открытости экономической системы внешним связям.

Новую убедительность культурологическому подходу к проблемам развития придали успехи в модернизации ряда стран Восточной Азии, которые заставили пересмотреть прежние представления о модернизационном потенциале восточных культур и, прежде всего, конфуцианской. Возникло даже мнение, что конфуцианское общество обладает большими, чем общества с иными культурами, потенциалами модернизации, что конфуцианство лучше, чем западные культуры, отвечает ее потребностям. Конфуцианство пропитывает профессиональное поведение в любой части Восточной Азии в той

мере как протестанство – на Западе. Оно составляет основу этики бизнеса, а также общественной и личной жизни, определяя в деталях поведение на всех уровнях социального порядка, в каждой сфере повседневной жизни. Некоторые элементы традиции можно считать тормозом для эффективного поведения в бизнесе, но в целом считается, что в этом регионе она способствует экономическому успеху.¹ Ревнители учения Конфуция обычно указывают на то, что современное конфуцианство сильно отличается от изначальной идеи и прежде всего тем, что в нем принижен идеал гуманности.

Что касается собственно экономических аспектов опыта «драконов Восточной Азии», то в современном Китае преимущественное внимание обращают на такие его черты, как активное включение в мировую экономику и в систему международного разделения труда, ориентации стратегии экономического развития на экспорт (позволяющая реализовать благоприятный для развития цикл: высокие инвестиции – высокий экспорт – высокие накопления), а также импорт технологических знаний, их усвоение и преобразование и постепенный переход к поиску независимой технологии.²

Среди западных и отечественных синологов распространены различные мнения по вопросу изменений, происходящих в китайском обществе последней четверти XX века. В спор вступают парадигмы *moderniti* и «революционных скачков».

Один из виднейших американских специалистов-синологов Дж. Фэйрбенк предлагает вместо термина «модернизация» применить понятие «трансформация».³ Отечественные специалисты О.Е.Непомнин, В.Б.Меньшиков говорят о концепции синтеза традиционного и современного и межформационном переходе.⁴

Мы говорим о модернизации как о процессе исторического производства, т.е. создания нового (современного) общества. Когда, по мнению французского политического социолога А.Турена, история

---

¹ Я.М.Бергер. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис. – 1995. – № 5. – С.61–67.

² Я.М.Бергер. Указ.соч. – С. 63.

³ Л.Березный. Американская историография новой истории Китая: кризис парадигм ? Заметки о дискуссиях синологов в США //Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 3. – С.117–131.

⁴ В.Б.Меньшиков, О.Е.Непомнин. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. – М.: Восточная литература РАН, 1999. – 334 с.

страны перестает быть спонтанным процессом и на первый план выходит социокультурная модель, она воплощает «господствующее вожделение эпохи». Например, в наше время вожделенной целью является рост, процветание, благосостояние. Идеологии конкурируют между собой внутри данной модели. Успех как общества в целом, так и отдельного класса, слоя или группы внутри него, зависят от того, насколько удачно будет найден ответ на «вызов истории».

Началом курса модернизации китайского общества стал состоявшийся в декабре 1978 г. третий пленум ЦК КПК 11-го созыва. На нем было принято решение перенести центр работы партии и всей страны с «классовой борьбы» и массовых политических кампаний на экономическое строительство.

Важным фактором развития интеллигенции стали **экономические реформы**. Опираясь на политические установки третьего пленума ЦК КПК, органы власти приступили к реальным шагам по изменению экономической ситуации в стране. Кроме того, курс «раскрепощения сознания» требовал переоценки ряда событий прошлого, прежде всего признания ошибочности политической установки, согласно которой «классовая борьба должна ставиться во главу угла». Была легализована возможность возвращения к многоукладной экономике, допущение в рамках социалистической системы частного предпринимательства, и, тем самым, сделан был шаг в сторону формирования рыночной экономики.

В 1979 г. по решению Госсовета КНР была создана рабочая группа специалистов, в которую входили более четырехсот практиков и двухсот теоретиков, для изучения структурных проблем народного хозяйства. Совместно с хозяйственными работниками они провели исследования экономической структуры более чем в десяти провинциях и городах центрального подчинения. В 1980 г. работа была завершена. Представленный ими отчет стал хорошей фактологической базой для разработки правительством мер по рационализации структуры народного хозяйства.¹

На состоявшемся в апреле-мае 1981 г. собеседовании по вопросам социально-экономической стратегии страны были высказаны мнения о возможности только «начальной модернизации» к 2000 г., «модернизации в основном» – 2020-2030 гг. и «полной модернизации» за еще более продолжительный промежуток времени.²

---

¹ Структурные изменения экономики Китая. – М., 1997. – С.10.

² «Жэньминь жибао». – 1981. – 14 декабря.

Одним из самых важных факторов стал поворот экономической политики «лицом к человеку». Целью должно было стать развитие общественного производства, которое повлекло за собой повышение материального и духовного уровня жизни народа, в том числе и интеллигенции. Но на пути реформ стояли трудности, связанные с особенностями КНР. Это слабая экономическая база, многочисленность населения и ограниченные земельные ресурсы. Поэтому первоочередными задачами являлись обеспечение народа пропитанием, образованием и решения проблемы занятости.¹

XII съезд КПК (1982 г.) отмечал, что жизнь народа улучшилась, но в целом жизненный уровень «пока еще низок». Одновременно на съезде говорилось о том, что государство решило принять действенные меры для того, чтобы поочередно улучшились условия жизни и работы интеллигенции среднего возраста, играющей роль костяка в производстве, строительстве, и на всех участках работы.² Это реальное подтверждение повышения социального статуса интеллигенции, произошедшее после «культурной революции».

Начавшаяся первой, сельская реформа заложила определенную материальную и психологическую базу для проведения, начиная с 1984 г. экономической реформы в городе. В 1984–1986 гг. значительно увеличились реальные доходы, повысился жизненный уровень городской интеллигенции, но начавшиеся реформы не удовлетворяли своими темпами большинство граждан. В 1987 г. темпы роста доходов городского населения сократились. Правительство признало, что примерно у 1/5 части горожан уменьшился реальный жизненный уровень. Темпы инфляции в 1987 г. были самыми высокими с начала реформы. С этого момента отношение к реформе интеллигенции стало более реалистичным, более рациональным и настроенным. В 1987 г. возникли новые негативные факторы. Инициаторы экономической реформы попытались ввести «шоковую терапию» – убрать «преимущества социализма»: бесплатное жилье, дешевую медицину и систему пожизненной занятости рабочих и служащих. Это затронуло наряду с интеллигенцией все слои городского населения.

В 1988 г. инфляцию не удалось остановить. Не была реализова-

на намеченная XIII съездом КПК (1987 г.) реформа политической системы. Росло недовольство населения увеличением цен, продажностью чиновников, падением общей морали, ростом разрыва в доходах. В мае 1988 г. в высших эшелонах руководства возникла идея «освобождения цен». Таким способом реформаторская фракция стремилась преодолеть трудности, с которыми столкнулась реформа. Это привело к массовой скупке продуктов, падению юаня, увеличению цен на электро- и радиотехнику в несколько раз. Это явилось психологической базой, на которой развернулось в 1989 г. демократическое движение.

С 1992 г. начинается новый виток в развитии реформы. Экономическая обстановка усложнилась. Уровень инфляции составил 14,5%, а в ряде крупных городов даже 20–30%. В некоторых городах возникли трудности со снабжением населения зернопродуктами и растительным маслом.¹ Население стало опасаться торможения реформ после того как уровень жизни начал падать вновь.

Опрос жителей Пекина в возрасте от 18 до 74 лет с разным уровнем образования показал, что интеллигенция критичнее настроена по отношению к политике правительства и стремится к продолжению демократических преобразований.²

Возникает почва для недовольства, так как ожидания людей и государственная политика стали не совпадать. О несовпадении государственных и личных интересов свидетельствовало и сопоставление следующих статистических данных городской жизни: при росте денежной заработной платы рабочих и служащих (включая интеллигенцию) за период 1979–1981 гг. на 44 % производительность труда выросла лишь на 6,6% и, соответственно, усилилась инфляция.

Особой проблемой стало реформирование государственного сектора. Ему принадлежат важные для экономики страны предприятия базовых отраслей промышленности: горнодобывающей, энергетической, металлургической и ряда других. Реформирование госпредприятий ведет также к высвобождению лишних рабочих рук и увеличению безработицы. В 1998 г. официально насчитывалось 15–

¹ Ганшин Г.А. Экономическая реформа в Китае. – Эволюция и реальные плоды. – М., 1997. – С. 165.

² Юй Гомин, Лю Сяян. Чжунго миньи яньцзю. – Пекин: Жэньда дасюэ чубаньшэ, 1996. – С.2.

¹ Дэн Сяопин. Избранные произведения. – Пекин, 1983. – С. 82–83, 149–150.

² Документы XII Всекитайского съезда КПК. – Пекин, 1982. – С.28–29.

16 миллионов безработных. Фактически она намного выше официальной статистики. В числе безработных оказывалась и интеллигенция.¹

Проблема безработицы остро стоит в современном китайском обществе. Китайскими исследователями зачастую не учитывается так называемая «скрытая» безработица. Наиболее тяжелое положение в развитых районах Китая, куда наблюдается большой отток наиболее образованной части населения.

Рост общественного производства создал основу для постоянного, хотя и недостаточно устойчивого, повышения жизненного уровня населения. Продолжалось увеличение разрыва в доходах различных категорий граждан. Важным фактором развития интеллигенции является вознаграждение интеллектуального труда, которое по-прежнему оставалось низким.

Практически сведен на нет фактор высшего и среднего специального образования в заработках специалистов, занятых в народном хозяйстве. Мужчина в возрасте 40–44 лет с университетским образованием зарабатывает в среднем лишь на 14 % больше, чем с образованием в объеме начальной школы. Женщина со специальным техническим образованием получает меньше, чем мужчина, работающий в сфере торговли или обслуживания, и лишь немного больше, чем транспортный рабочий.²

Для сравнения – в 1956 г. максимальная зарплата университетского профессора (345 юаней) была в 3,32 раза выше максимальной зарплаты рабочего на машиностроительном заводе (104 юаня), а минимальная зарплата ассистента на кафедре (62 юаня) почти вдвое превышала минимальную зарплату рабочего (33 юаня). После реформы заработной платы, проведенной в 1985 г., соотношение максимальных зарплат упало до 2,23, а минимальных осталось практически неизменным. При этом сильно нивелировались различия в заработках профессора, доцента, преподавателя и ассистента. Намного сократилась разница в зарплате преподавателей вузов и школ: в 1956 г. пропорция максимальной зарплаты составляла 2,3 : 1, в 1985 г. –

¹ Перспективы Китая. (Чжунго цзоусян)/ Под ред. Ху Аньгана. - Ханьчжоу: Чжэцзян жэньминь чубанше, 2000. – 381 с. – Рец: К.Кокорев // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 2. – С. 180.

² Чжунго шэхуй чжибяо лилунь юи шицзянь. – Пекин, 1989. – С.8.

1,38 : 1, а если учесть надбавку за стаж, за классное руководство, получаемую преподавателями средней и начальной школы, то эта пропорция будет еще меньше. Указанная тенденция еще более усилилась в последующие годы. К январю-апрелю 1988 г. по сравнению с 1985 г. соотношение зарплаток практиканта и старшего научного сотрудника в исследовательских учреждениях сократилось с 1 : 3 до 1 : 2.¹

Наиболее низка оплата труда преподавателей. За 1987 г. она составила 1359 юаней (в средних специальных и высших учебных заведениях – 1530 юаней, в средней школе – 1355 юаней, в начальной школе – 1239 юаней). Очень мало зарабатывают работники радио и телевидения, социальных служб.²

Экономические реформы повлекли за собой возникновение различных видов собственности, что привело к увеличению различий в доходах интеллигенции. Так, зарплата специалистов очень сильно зависит от того, работают ли они в общественном или частном секторе. Например, из двух врачей равной квалификации один, работающий в медпункте крупного универмага с совместным капиталом, получает в качестве основной зарплаты 240 юаней в месяц, а с премиями и надбавками 460–470 юаней, тогда как у другого, являющегося главным терапевтом в Пекинской больнице «Туньжэньтан», основной месячный заработок всего 97 юаней, а с доплатами и премиальными только 180 юаней.³ Недооценка образовательного ценза в системе распределения доходов ведет к оттоку учащихся из учебных заведений всех уровней – от начальной школы до аспирантуры и докторантуры. Кроме того, снижается качество подготовки специалистов.

За годы реформ Китай существенно продвинулся по пути модернизации ряда отраслей хозяйства, качества и образа жизни населения. Вместе с тем, по ряду важных показателей он еще весьма да-

¹ Цзинь Сицзай, Ян Вэйбинь. Вого шэхуй цзинцзи шэнхо чжун ды пинцзюньчжуи вэньти // Дунбэй шида сюэбао. (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). – Чанчунь. 1991. – № 4. – С.2.

² Переход к рынку в КНР: Общество, политика, экономика. Сборник обзоров. – М.: ИНИОН, 1994. – С. 64.

³ Экономическая реформа и социальные группы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: ИНИОН, 1994. – С.65.

лек от намеченных целей. Китаю понадобится еще несколько десятилетий, чтобы достичь современного уровня производительности труда в ведущих индустриальных странах.

Одна из главных проблем модернизации состоит в том, что различные естественные ресурсы Китая, прежде всего земельные, настоятельно диктуют необходимость дальнейшего решительного сокращения темпов роста народонаселения. В случае же сохранения темпов уже в 2015 году потенциальная производительность земельного фонда не сможет прокормить население на уровне «тепла и сытости».

В восьмой пятилетке (1991–1995) существенно вырос и укрепился экономический потенциал Китая, вышедшего по абсолютным размерам своего народного хозяйства на 7-е место в мире. Особенно динамично развивалась промышленность: среднегодовые темпы роста производства достигли 19,9%. В ней занято около двадцати пяти процентов интеллигенции. Получили значительное развитие высокотехнологические отрасли. Например, аэрокосмическая и авиационная промышленность. Начался массовый выпуск электронной аппаратуры промышленного и бытового назначения.

В программных документах по развитию народного хозяйства КНР в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) особое внимание уделяется подготовке высококвалифицированных кадров, обладающих современными знаниями в области менеджмента, финансов, высоких технологий, информатики, международных отношений и других. Тем самым преодолена негативная тенденция по отношению к умственному труду, образованию и интеллигенции в целом. В перспективе это должно привести к стабилизации и развитию социально-политической и экономической ситуации, оптимизации социальной структуры китайского общества. Это, в свою очередь, будет зависеть от продолжения курса модернизации, а также от тех факторов и условий, что влияют на изменение роли и места интеллигенции в китайском обществе.

Успехами экономических реформ можно считать, что в настоящее время Китай занимает второе место по валютным запасам (после Японии), второе место по привлечению иностранных инвестиций (после США). Но остаются проблемы, связанные с низкой эффективностью работы государственных предприятий. К концу 1995 г.

в китайской экономике работало триста тысяч госпредприятий, где было занято восемьдесят миллионов человек, или 13 % трудоспособного населения, из них 3,45 % составляют инженеры и техники.¹

Острой проблемой остается неравномерность развития различных регионов страны и увеличение разрыва в доходах городского и сельского населения. Если Шанхай и Пекин по уровню жизни населения занимают по «мировой шкале» 35-е и 39-е место, то провинции Гуйчжоу, Цинхай, Тибетский автономный район – 124-е, 125-е и 133-е места соответственно. В данных трех провинциях плюс еще в семи (Синьцзян, Внутренняя Монголия, провинции Нинся, Гуанси, Юньнань, Ганьсу и Сычуань) проживает 72,6 % населения малых народностей. Здесь худшие по сравнению с ханьцами условия для получения образования и более низкий культурный уровень создают для представителей малых народностей неблагоприятные условия на рынке труда.² Многие представители интеллигенции переходят в коммерческие структуры. Неравномерное развитие регионов ведет к «утечке мозгов» на юг.

Велики различия в доходах городских и сельских жителей (превышение в 5 раз), притом, что в деревне живет около 900 миллионов человек. Из них в 1993 г. приблизительно 431 миллион был занят в сельском хозяйстве. Планируется, что в нынешнем столетии будет лишь 130 миллионов.³

Важным фактором развития интеллигенции стали **социальные условия**. Был принят ряд законодательных актов, направленных на усиление социальной защиты граждан. С 1 января 1995 г. вступил в силу Закон «О труде», регулирующий, прежде всего, отношения между работодателем и наемными работниками. Установлен минимальный размер заработной платы (неодинаковый в разных городах и районах). Введена пятидневная рабочая неделя. Начала складываться единая система социального страхования, которая предусматривает участие в финансировании социальных мероприятий. Главное внимание в вопросах социальной политики уделяется вопросам за-

¹ Fumio Itoh. China in the XXI century: politics, economy and society. – Tokyo, 1997. – P.72.

² Ван Сиэнь. Социалистическая рыночная экономика и национальное самосознание в Китае // Миньцзу яньцзю. – Пекин, 1998. – № 3. – С.1–9.

³ Уитерс Г.Дж. Указ. Соч.- С.207-208.

нятости трудоспособного населения. Несмотря на возросший поток мигрантов из сельской местности, безработица в городах в 1995 г. не превысила уровня 2,9 %.¹

Несоответствие образования и научно-технического потенциала потребностям экономического развития, большое число неграмотных и малограмотных людей, низкое качество начального образования, малый удельный вес тех, кто стремится продолжить обучение в средней школе. Все это требовало существенного изменения в организации и содержании учебного процесса, особенно в высшей школе. Китай успешно решает эти проблемы.

Важным **фактором** развития интеллигенции являются процессы **модернизации образования**. Китайское руководство признает ведущую роль образования в деле реформирования страны. Хотя здесь и существуют определенные трудности. Задача введения всеобщего начального образования в стране (поставлена еще в 1951 г.) не была полностью выполнена. Было признано, что состояние дел в образовании неудовлетворительное.

Начиная с середины 80-х годов, законодательные акты в КНР стали увязывать модернизацию образования с экономическим реформированием. Этому способствовало провозглашение образования «производительной силой», а науки и техники – «производительной силой первостепенной важности». Основные китайские нормативные акты 90-х годов базировались на современной теории модернизации – стратегической роли образования в общественном движении и его опережающем по отношению к производству развитию. Для обеспечения этих позиций Китай начал считать инвестирование государства в сферу образования не потребительскими расходами, которые финансируются по остаточному принципу, а важным видом капиталовложений, даже одним из главных источников умножения национального богатства.

Существенное увеличение финансовой поддержки научных исследований как в университетах, так и в научно-исследовательских институтах Академии наук Китая привело к тому, что КНР стала рассматриваться как крупнейший производитель научной продукции,

---

¹ Чжан Хэфэн. Государственная периодическая печать о проблемах модернизации китайского общества в 1970–90-е годы. - Дис. ... к.полит.н. – СПб. – 2001. – С. 48.

уступающий среди развивающихся стран только Индии и занимающий 15-е место в мире по показателю индекса цитирования.¹

В годы шестой пятилетки (1981-1985) государство финансировало 38 научно-технических проектов в девяти отраслях, затратив 1,5 миллиарда юаней. Полученные результаты дали экономический эффект в 12,7 миллионов юаней. Было построено 297 экспериментальных баз, 122 испытательных стенда, создано 168 региональных опытных аграрных центров.² В 1983 г. была принята программа развития ключевых отраслей науки и техники. К осуществлению этой программы было привлечено 130 тысяч научных работников и инженеров; выделено из государственного и местных бюджетов свыше 9 миллиардов юаней. Было сделано почти 11 тысяч открытий, 80% которых сыграли значительную роль в строительстве национальной экономики, заложив фундамент для дальнейшего технического прогресса.³

С 1984 г. в стране развернулись масштабные преобразования в хозяйственной системе, а уже в марте 1985 г. были приняты первые конкретные программы технологической модернизации, в частности «Решение о реформе научно-технической системы» и «Решение о реформе системы образования», которые обозначали также и новые пути управления и финансирования в этих областях.⁴

В 1986 г. принят «Закон об обязательном образовании». С целью трансформировать народное хозяйство Китая и форсировать рыночные реформы в 1993 г. была принята «Программа реформ и развития образования».

На XIV съезде КПК в 1992 г. Цзян Цзэминь подчеркнул, что необходимо «поставить образование на стратегические позиции приоритетного развития. Руководство страны предприняло усилия по поиску новых источников финансирования реформ, закрепленных в законодательных документах второй половины 90-х гг. и прежде

---

¹ Общественные науки и положение в университетах Китая. - Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10, Китаеведение. – 1995. – № 1. – С. 77–90.

² Развитие науки и техники в 80-е годы. – Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение. – 1992. – № 4. – С. 15.

³ Там же. – С.10.

⁴ Боровская Н.Е. Эпоха «экономики знаний» // Поиск. – 2001. – 29 июня. - С. 10.

всего, в принятом в марте 1995 г. «Законе об образовании».¹

«Новизна текущего этапа реформы и развития образования» по заявлению китайского правительства, определяется созданием в стране благодаря экономическому росту «невиданных доселе благоприятных условий». К 2000 г. по всей стране планируется перейти на всеобщее 9-летнее обязательное обучение и ликвидировать неграмотность среди молодежи и лиц зрелого возраста. Делается акцент на повышение качества и эффективности высшего образования. Стимулируется постепенное создание новой системы образования, главным стержнем которой станут государственные учебные заведения при участии учебных заведений, создаваемых усилиями общественности. В целом образование нацеливается на подготовку большого числа квалифицированных и в то же время хорошо разбирающихся в требованиях рыночных условий хозяйствования кадров.

Развитие образования, науки и культуры тесно увязывается с укреплением позиций духовной культуры. Правительствам всех уровней предписано: включать вопросы совершенствования духовного развития в общие программы социального развития, увеличивать инвестиции в эту сферу, не приносить интересы духовного развития в угоду кратковременному экономическому росту.²

Выступая на третьем Всекитайском рабочем совещании по образованию в июне 1999 г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунци перечислил **факторы**, содействующие энергичному развитию образования на пороге нового тысячелетия: высокие образовательные запросы населения, его готовность использовать часть накопленных средств на обучение и активность при создании школ, скрытые резервы финансирования системы образования.

Среди **условий**, стимулирующих нынешний этап в области реформ образования и развитие интеллигенции, нельзя не упомянуть и нацеленность Китая на переход в эпоху «экономики знаний». Подготовка к этому активизировалась принятием в 1999 г. программы информатизации образования и созданием телекоммуникационной сети обучения, покрывающей всю страну. Успехи в области борьбы с неграмотностью очевидны. К 1982 г. количество населения, по

¹ Развитие науки и техники в 80-е годы... – С.11.

² Жэньминь жибао. – 1996. – 21 марта.

сравнению с результатами третьей переписи, увеличилось на 566 миллионов, и только 325, 2 миллиона человек получили образование: 157,1 миллиона на уровне начальной школы, 52,5 миллиона – 2-й ступени средней школы, 5,8 – техникума и 3,8 миллиона человек получили высшее образование; 23,5 % жителей страны были неграмотны или полуграмотны. Результаты четвертой переписи свидетельствуют, что за 1982–1990 гг. возросло как число жителей, имеющих образование (высшее – 10 миллионов человек), так и число неграмотных. По провинциям доля неграмотных колеблется от 15,88 до 22,81%. За период между переписями появилось около 30 миллионов «молодых неграмотных» – это те, кто в школьном возрасте не посещал школу. Сопоставление итогов третьей и четвертой переписей показывает, что общий образовательный уровень повысился. Хотя в 1990 г. неграмотных старше 15 лет насчитывалось 15,9%, а в 2000 г. уже 6,7%.¹

Кроме того, совершенствование экономической политики предполагает усиление контроля за рынком произведений искусства, со- оружением библиотек, дворцов культуры, архивохранилищ, музеев, домов научно-технического творчества и т.п., улучшением охраны культурных ценностей страны, пропагандой научных и общеобразовательных знаний.²

Приведем некоторые показатели модернизации Китая по Чжан Чжо, который является сотрудником Института социологии АОН КНР.³ Ключевым считается показатель модернизации в области науки и техники. Для оценки используется индекс Дугласа, отражающий вклад, который вносит научно-технический прогресс в экономический рост того или иного государства или региона. Данный показатель в 1952-1957 гг. составлял 46,9%; в 1957–1965 – 20,7%; 1965–1976 – 3,6%; 1981–1985 – 30,5%, 1985–1989 – 30,1%. К концу столетия намечалось довести его до 50 %, к 2010 г. – до 60 %, а к середине XXI в. достичь уровня развитых государств (который уже

¹ Предварительные итоги 4-й переписи населения в КНР. (Сводный реферат) // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение.- С.47.

² Чжан Хэфэн. Государственная периодическая печать КНР о проблемах модернизации китайского общества в 1970-е – 90-е годы. Дисс...к.полит.н. – Спб., 2001.- С.56.

³ Чжунго сяньдай жогань мубяо фэньси // Чжунго шэхуй кэсюэ.- Пекин, 1992. - № 3. – С. 99-117.

в 50–60-х годах в ряде случаев равнялся 60–70 %).⁴

Для государств Азии этот показатель в среднем равен 12,8 %. В Китае колеблется от 1 (исследования Дж. Найта и Л. Сонга) до 3,6 (Лю) и 3,7 % (О. Байрон и Е. Манолото). Обобщенные данные о воздействии образования на национальный доход по 58 странам за 1960–1985 гг. показывают, что увеличение срока обучения на один год в среднем позволяет увеличить национальный доход на 3%. Экономические реформы повысили «отдачу» от образования в целом по Китаю от 3 до 6% (данные за 1988 год).

Как показала 4-я перепись населения, в континентальной части Китая среди населения старше 15 лет насчитывается более 200 миллионов неграмотных и малограмотных. Общее число неграмотных в мире на 1988 г., по сведениям ЮНЕСКО, составило 890 миллионов человек. Таким образом, уровень неграмотности в Китае и в мире в целом совпадают. По Инкельсу, критерием модернизации служит восьмидесятипроцентная грамотность взрослого населения. В Китае в 1990 г. этот показатель составил 69 %. В 2000 г. 93 % населения были грамотны, это значит, что показатель модернизации достигнут.

По данным четвертой переписи, за 1982–1990 гг. число лиц с высшим образованием в расчете на 100 тысяч населения увеличилось с 615 до 1422 человек. Несмотря на это, по удельному весу молодых людей, поступающих в вузы, КНР все еще значительно отстает не только от развитых стран, но и от средних показателей по развивающимся странам. При существующих темпах роста числа студентов для достижения показателя модернизации понадобится более 30 лет (по прогнозам 1992 г.), а чтобы догнать развитые страны, еще более долгий срок. Китай сможет сравняться со среднеразвитыми странами по удельному весу лиц с высшим образованием только к 2020 г.

В 2000 г. реформа системы образования получила дальнейшее развитие. Наблюдался значительный прогресс в проведении реформы системы управления высшей школой и системы образования. В 1041 высшее учебное заведение поступило 2,21 миллиона студентов; всего насчитывалось 5,53 миллионов студентов. В 772 высших

⁴ Там же. – С.110.

учебных заведениях для взрослых принято 1,56 миллионов человек; всего обучалось 3,54 миллионов человек. В аспирантуре страны при 738 учреждениях науки и образования принято 129 тысяч человек; всего обучалась 301 тысяча аспирантов.¹

Данные цифры показывают, что количество обучающихся в высших учебных заведениях превысило прогнозы, сделанные председателем государственного комитета по делам образования Чжу Кайсюань в 1995 году.

На формирование политики в области образования влияло и разворачивающееся «экономическое чудо» в странах Юго-Восточной Азии. Здесь модернизация основывалась на быстром накоплении «человеческого капитала», который наращивается за счет ускоренного распространения образования. Для примера, до 1946 г. удельный вес грамотных в «4 драконах» составлял от 10 до 22 %, а сейчас в Южной Кореи и на Тайване – 92 %, Сянгане – 88 %, Сингапуре – 86 %.²

В динамике китайской интеллигенции важную роль играют условия и факторы **политического и духовно-нравственного** развития общества. Наибольшее внимание привлекли события на площади Тяньаньмэнь. Конец 1986 г. ознаменовался массовым студенческим движением, проходившим под лозунгами дальнейшего углубления и расширения реформы, включая реорганизацию политической системы. Реакцией на студенческие выступления было снятие Генерального секретаря Ху Яобана и развертывание кампании борьбы против «буржуазного либерализма». Это укрепило позиции консерваторов в КПК и замедлило темпы реформы.³

Следствием событий 1988 г. стали разочарование населения в реформе, утрата правительством авторитета и растущая политизация масс.

События 1989 г. описывают и называют по-разному. Нас интересует роль китайской интеллигенции и кто ее представлял в этом движении.

¹ Китайская Народная Республика в 2000 г.: Политика, экономика, культура. РАН. Институт Дальнего Востока. – М., 2001. – С.407.

² Martellaro J.A. Economic growth in East Asia and the Confucian ethic // Asian profile. – Hong Kong. - 1991. - Vol.19. - № 1. - P.83.

³ Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика (Сборник обзоров). – С. 8-9.

Прежде всего, это профессоры и преподаватели университетов, институтов, то есть люди, которые находятся в постоянном общении со студентами. Далее, это научные работники, выдающиеся интеллигенты, размышляющие над судьбами страны, стремящиеся содействовать прогрессу и развитию Китая, то есть интеллигенты, работающие в различных руководящих органах КПК, в созданных партией и правительством научно-исследовательских центрах и учебных заведениях. К ним примыкают и новые люди реформенного Китая – образованные предприниматели, промышленники, которые хотят помочь углублению процесса перемен и обновления.

Играет важную роль и старая демократическая интеллигенция, представители которой занимают посты как в ряде государственных учреждений (в ВК НПСК, ПК ВСНП), так и в руководящих органах демократических партий и организаций КНР.

Наконец, многочисленные городские служащие, в том числе работники средств массовой информации, сотрудники и ученые Академии общественных наук Китая и Академии наук Китая, преподаватели и служащие различных ведомственных и частных учебных заведений и научно-исследовательских институтов.

Всех их объединяют, по крайней мере, два обстоятельства: политическое и имущественное положение в современном китайском обществе и политически активное отношение к жизни, проблемам выживания и развития нации и государства.¹

Многие участники событий 1989 г. сами разрабатывали стратегию реформы и считали, что обществу необходимы политические преобразования. Нужно отметить, что не было единого руководящего органа, который объединял и координировал бы действия всех интеллигентов. Движение вылилось в стихийные манифестации, которые стали итогом всего хода экономических реформ. Интеллигенция как наиболее чутко реагирующая социальная группа на все изменения в обществе не могла остаться в стороне.

Модернизация китайского общества последней четверти XX века явилась важным условием для развития интеллигенции. На данный процесс влияют различные факторы. Сами китайские интеллектуалы по-разному оценивают способы модернизации общества.

¹ Студенчество и интеллигенция // Информ. бюл. / -М.: РАН. Институт Дальнего Востока. – 1995. – № 6. – С.69–70.

Рассмотрим на примере идей Ли Цзехоу (старшего научного сотрудника Института философии АОНК), ставшими философским обоснованием дэновской программы модернизации. Его подход выражает формула: «западная сущность, китайское применение» («си ти чжун юн»). При этом под «западной сущностью» понимается современная социальная реальность Запада, включающая способ материального производства, науку и технологию, образ повседневной жизни. Составной ее частью является западное общественное сознание, или «западные знания» («си сюэ»), охватывающие культурные, экономические и политические идеи, включая марксизм и другие современные философские теории Запада, особенно идеи просвещения – от Бэкона до Канта. Китайская традиция указывает путь, по которому западная сущность может быть развита.¹

Ли подчеркивает особую значимость социальных перемен. Относится к обществу как к органической системе, преобразование которой базируется на сложном взаимодействии разнородных элементов. Признавая фундаментальное значение экономической структуры в общественном развитии, Ли считает вместе с тем, что культурно-психологическая структура также служит ключевым фактором, определяющим социальные и экономические тенденции, потому подлинной модернизации можно достичь лишь путем одновременных преобразований экономики, политики и культуры.

Ли выделяет три этапа модернизации. На первом («Янью юньдун») значение придавали исключительно заимствованию достижений западной науки и технологии, на втором («100 дней реформ» и Синьхайская революция) акцент делался на западные политические институты, на третьем (движение «4 мая») на первый план вышли культурная традиция, интеллектуальная мысль и системы ценностей. Новый поиск современности в 80-х интегрировал все предыдущие стадии, однако культурно-психологическому аспекту уделяется значительно больше внимания, чем политико-экономической реформе.²

С бескомпромиссной критикой идей Ли Цзехоу выступил Лю Сяобо, один из наиболее откровенных радикалов. Будучи антитра-

¹ Линь Минь. Поиск современности: китайская интеллектуальная дискуссия и общество. 1978-88 - Случай Ли Цзехоу //Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10, Китаеведение. – 1994. – № 3. – С.82.

² Линь Минь. Указ.соч. – С.83.

диционалистом и непримиримым противником режима, Лю обвинил Ли в том, что его теориям свойственен традиционный недостаток китайских интеллектуалов: отсутствие абсолютного скептицизма и мятежного духа, которые позволяли бы полностью порвать с традицией. Он упрекал Ли в тяготении к «золотой середине», «дешевом идеализме», «консервативном идеализме», «фальшивом оптимизме».¹ Но значительно более серьезный теоретический вызов идеям Ли исходил от другой группы молодых интеллектуалов во главе с Гань Яном. Гань Ян косвенно критиковал основное течение китайских интеллектуалов, включая Ли, за то, что они верят в возможность совершенной стадии развития человеческого общества, на которой это может быть реализовано. По Гань Яну, монистический подход китайских интеллектуалов к поиску конечной истины в духе глубокой социальной вовлеченности неизбежно ведет к суровому подавлению индивидуальной самости и одновременно слишком тесно интегрирует интеллектуальную дискуссию в структуру власти.²

Особые сложности возникают в деле организации таких важных областей, как политические и правовые структуры, менталитет народа. Ряд исследователей убеждены, что преодолеть эти сложности трудно без модернизации самой конфуцианской традиции. Быть может, конфуцианству уготовано вновь трансформироваться в современных условиях, и в обновленном виде сыграть свою роль в деле модернизации китайского общества. В то же время нужно помнить, что китайскую традицию нельзя отождествлять исключительно с конфуцианским наследием. Помимо конфуцианства, легизма и даосизма, заложивших основу китайской традиции, большую роль в ее эволюции сыграл буддизм. Немалое значение имели также бесчисленные местные институты и обычаи.

Преобразования стали возможны благодаря тому, что Дэн Сяопин поставил экономику впереди политики, следуя собственному принципу: «если хочешь много сделать, не следует вступать ни в какие дискуссии и не заботиться о том, чтобы после смерти тебя называли великим марксистом».³

---

¹ Там же. – С.84.

² Линь Минь. Указ. соч. – С.84.

³ Deng's China. The last emperor // Economist. – L., 1997. - Febr. 22. - P. 19.

Созданию в Китае условий для функционирования интеллигенции явились факторы, способствующие прогрессивному развитию: экономические реформы, развитие политических и законодательных институтов гражданского общества, а также противостоящие им психологические: боязнь перемен, недоверие к внешнему миру, страх перед возможной нестабильностью. Китайская интеллигенция с энтузиазмом поддержала реформы, которые повысили их социальный статус. В то же время ею высказываются опасения в связи с возрастанием коррупции, упадком морали и превалированием во всем обществе материальных выгод.

В социальном слое интеллигенции можно выделить три группы, имеющие разные подходы к вопросу о реформах и дальнейшем развитии страны. Первая группа считает важным опору на традиционную культуру, вторая стоит за синтез традиций с индивидуальной ответственностью, а третья отвергает традиционную культуру и выступает за заимствование западной политической системы и системы моральных ценностей. Отсюда различные культурно-политические ориентации среди интеллигенции.¹

Первая группа видит причину политической коррупции и падение морали в пренебрежении конфуцианскими ценностями. В этом она обвиняет Мао Цзэдуна. Он считал конфуцианскую этику отсталой и пытался ее искоренить. В то же время тоталитарный режим и плановая экономика способствовали сохранению традиционных ценностей, хотя и в извращенном виде. Эта группа считает, что нужно критически пересмотреть конфуцианство, и тогда конфуцианские добродетели станут помогать делу модернизации. Основную роль в этом должна сыграть партия и государство. Ло Гоцзе, председатель «Китайской ассоциации по изучению этики», требует в этом смысле слияния сфер морали и политики, которое должно быть обеспечено монополией на руководство со стороны КПК.²

Вторая группа интеллигенции видит предназначение современ-

---

¹ Сюй Яньцин. Союзничество или противостояние государства и общества? - Групповые интересы в КНР // China aktuell.- 1996, № 6.- С.601-611. Информационные материалы. Серия «Общество и государство в Китае в ходе реформ». Выпуск 1. – М.: ИНИОН РАН, 1997.- С.61-62.

² Сюй Яньцин. Указ. соч. – С.62.

ного изучения конфуцианства в повышении национального самосознания и веры нации в свои силы. Конфуцианские добродетели (человеколюбие, коллективизм, идеи самосовершенствования и стремления к гармонии) – ценны не сами по себе, а должны дополняться разумом отдельного индивида. Необходимо формировать гражданское сознание населения.

Указанные две группы интеллигенции видят в образовании основу укрепления национальной мощи. Добиваются увеличения ассигнований на образование и научно-исследовательскую деятельность. Планировалось к 2000 г. увеличить долю средств, выделяемых на образование до 4 %, а научно-исследовательскую работу до 1,5 %.¹

Третья группа интеллигенции видит причину политической коррупции и упадка морали в однопартийной системе. Считают необходимой демократизацию политической системы. Например, Вэй Цзиншэн – лидер демократов, считает это главной предпосылкой для решения всех социальных и экономических проблем. Для успешного продолжения реформ необходимо формирование демократического сознания общества. Эта группа интеллигенции требует свободы слова, многопартийной системы и соблюдения прав человека. Правительство считает этих людей политическими диссидентами, стремящимися свергнуть существующий режим, и преследует их.² Против них были проведены политико-идеологические кампании, такие как борьба с «духовным загрязнением» в 1983 г. и с «буржуазным либерализмом» – в 1987 г.

Китайское общество с 1978 г. стало более открытым. Несмотря на применение суровых мер против студенческих выступлений 1989 г., китайский интеллигент стал более свободен в личном выборе, чем когда-либо с 1930-х годов. В городах стало относительно легко сменить работу, квартиру, место учебы. В целом, выбор Китая стратегии модернизации в переходный период осуществлялся с учетом двух основных моментов: гарантии сохранения политической стабильности и рационального использования стратегических ресурсов. Задачей реформы стало создание управленческой системы современного уровня. Она должна отвечать условиям быстро модер-

---

¹ Там же. – С.63.

² Там же. – С.64.

низирующегося унитарного государства с огромными территорией и населением, прочными традициями, однопартийной системой и сильной позицией центра.

Существенную роль в развитии китайской интеллигенции в период после 1978 г. оказали Тяньаньмэньские события мая-июня 1989 г. Если до этих событий существовала негласная, но активная поддержка со стороны правительства, был неограничен доступ западных идей, то начиная с 1989 г. идеологический контроль ужесточился. Особенно данные события затронули гуманитарную интеллигенцию.

Интеллектуальное сообщество отнеслось к ужесточению политического давления по-разному. Одни, не желая подчиняться какой бы то ни было форме политической цензуры, прекратили активную политическую и исследовательскую деятельность. Другие уступили призывам заняться разоблачением вреда, наносимого «буржуазной либерализацией», в обмен на обещание достойного вознаграждения. Третьи спокойно продолжали свои исследования, терпеливо ожидая возможности публикации результатов в тех научных журналах, которым партийное руководство позволяет выходить.

Наиболее творческий подход в преодолении возникшей ситуации проявили студенты-гуманитарии. Поскольку им не позволено было собираться в неформальные кружки по изучению западных социальных теорий, они организовали независимые группы по изучению классических произведений марксизма и Мао Цзэдуна, не давая партийному руководству повода для запрета подобных дискуссий, но заставив проявить определенную нервозность ввиду не поддающихся контролю интерпретаций, высказываемых в ходе обсуждения.

Примерно по такому же пути пошли молодые университетские ученые, которые регулярно проводят междисциплинарные семинары по различным проблемам науки.

В течение нескольких лет, прошедших после событий на площади Тяньаньмэнь, политическое руководство Китая неоднократно подтверждало свою приверженность политике открытости внешнему миру. Основные атрибуты политики сохраняются: и интеграция с мировой экономикой, и обучение студентов за границей (хотя их численность значительно уменьшилась), и приглашение препода-

давателей из-за рубежа (главным образом по иностранным языкам), однако участие в совместных проектах по общественным наукам обществоведческого направления ученых из разных стран сильно затруднено препятствиями бюрократического и политического характера. Поэтому данное исследование является одной из попыток обобщить имеющиеся данные и в дальнейшем будет предпринята попытка проведения эмпирического исследования совместно с китайскими учеными.

Созданию в Китае условий для функционирования интеллигенции послужили факторы, способствующие развитию: экономические реформы, развитие политических и законодательных институтов гражданского общества, а также противостоящие им психологические: боязнь перемен, недоверие к внешнему миру, страх перед возможной нестабильностью.

В заключение нужно отметить: условия и факторы развития китайской интеллигенции в современном обществе в целом благоприятны для развития данного социального слоя. Китайская интеллигенция развивается в условиях быстро модернизирующегося унитарного государства с огромной территорией и населением, прочными традициями, однопартийной системой и сильной позицией центра. При дальнейшем углублении реформ, особенно в политической сфере, думается, что китайская интеллигенция займет положение, достойное ее интеллектуального развития, профессиональных качеств и высоких нравственных устоев.

Глава 2. СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

2.1. Изменение социальной структуры интеллигенции

Исследование интеллигенции требует анализа ее социальной структуры. Это дает возможность более углубленного изучения данной социальной группы с учетом имеющихся в ней различий. Несмотря на единство интеллигенции как социальной категории, внутри нее наблюдается большая дифференциация, чем внутри крестьянства и рабочих. Поэтому рассматривать интеллигенцию необходимо как особую социальную группу, включающую в себя неодно-

родные субэлементы в виде различных отрядов, слоев, подгрупп. По своей природе эта структура динамична.

В научной литературе существует неоднозначный подход к выделению признаков, по которым дифференцируется интеллигенция. Множественность признаков социальной градации разных групп интеллигенции отражает разновидность социальных срезов, характеристик, качеств, свойств и связей, присущих ей. Отсюда возможность и правомерность различных подходов к классификации разных групп интеллигенции и в то же время недопустимость абсолютизации какой-либо одной направленности. При анализе различных групп интеллигенции, как частей одного целостного слоя, вычлняются и характеризуются в качестве критериев дифференциации разнообразные признаки. К ним можно отнести место различных групп в системе общественного разделения труда, сферу деятельности, содержание выполняемых функций, уровень и характер образования, отношение к собственности на средства производства, жизненный уровень и т.д.¹

Чем более развиты в обществе экономические отношения, духовная и политическая сферы, тем более многообразнее и сложнее внутренняя структура интеллигенции. В социологии различными авторами выделяется от трех до одиннадцати социально-профессиональных отрядов.² Для анализа внутренней структуры китайской интеллигенции нами были использованы статистические данные и данные социологических исследований отечественных и зарубежных исследователей. В связи с труднодоступностью информации нами были использованы различные источники. Прежде всего, статистические данные ежегодников: «КНР: политика, экономика, идеология», «КНР: политика, идеология, культура» с 1978 по 1990, 2000 года, «Китай» за 1999, 2000 года, а также доступные данные переписей за 1982, 1990 и 2000 года. Данные источники сопоставлялись с результатами исследований отечественных и зарубежных исследователей.

Для конкретного анализа социально-профессиональной струк-

---

¹ Буркина А.А., Осинский И.И. Бурятская национальная интеллигенция: воспроизводство, структура, самочувствие.- Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. – С. 53.

² Там же. – С.55–56.

туры китайской интеллигенции приведены данные по восьми основным группам: педагогическая, производственно-техническая, управленческая, медицинская, научная, сельскохозяйственная, работники торговли, культуры и искусства.

Доля занятых умственным трудом в экономически активном населении Китая крайне мала. Она увеличивается очень медленно, несмотря на рост выпускников вузов в 80-90-е годы. Если в 1990 г. доля занятых умственным трудом составляла 8,8 %, то в конце 90-х годов – 9,49 %. По этому показателю Китай уступает развитым странам мира, а также Тайваню и Гонконгу.

Самым большим отрядом китайской интеллигенции (сюда включены лица, обладающие высшим или незаконченным высшим образованием) является педагогическая. Сюда входят учителя общеобразовательных школ, преподаватели средних специальных и высших учебных заведений. На 1984 г. она составляла 31,9 % от всего числа интеллигенции. В 1985 году насчитывалось 9 535 миллионов учителей, что в 10,6 раза больше, чем в 1949 г.¹

Второй по численности является производственно-техническая интеллигенция, которая составляет 24,6 %. Формирование китайской научно-технической интеллигенции практически началось после образования КНР и осуществлялось при широкой помощи Советского Союза и других социалистических стран. К 1956 г. и позднее в ее состав вошли инженерно-технические работники и ученые китайской национальности, возвратившиеся в КНР из США и других капиталистических стран.² Два данных отряда интеллигенции составляют 56,5 % от числа всей интеллигенции.

Управленческая интеллигенция, куда нами включены служащие государственных и партийных органов и менеджеры-управленцы составляет 11,6 %. Ганьбу, или государственные служащие, в целом составляют 5,5 % всего занятого населения. В отраслевой структуре интеллигенции - ганьбу представлены 7,08 %. В 1978 г. численность равнялась 17,4 миллионам человек, в 1980 г. – 18 миллионов, среди которых лишь 6 миллионов (30 %) имели высшее или среднеспециальное образование, в 1989 г. - 30 миллионов. Средний возраст наиболее квалифицированных из них составлял в 1980 г. 58 лет.³ Была

¹ Энциклопедия Нового Китая. – М.: Прогресс, 1989. – С.364.

² Классы и классовая структура в КНР. – М.: Наука, 1982. – С.159.

³ Beijing Review. – 1980. – № 28. – Р.3.

поставлена задача «омоложения руководящей группы» путем выдвижения лиц в возрасте от 30 до 50 лет.¹ В середине 80-х годов численность интеллигентов из числа ганьбу составляла около 2 миллионов человек. В конце 80-х годов в партийных органах лица с полным средним и высшим образованием составили более трети членов партии.² Доля интеллигенции в партии в 1984 г. всего равна 4,6%. Данная ситуация сложилась за счет того, что партийные функционеры выдвигались на руководящую работу без учета критерия образованности, за счет идеологической лояльности. В 2002 г. произошла смена третьего поколения руководящих кадров страны, что привело к повышению уровня образования в партийных органах.

Срединное положение в социально-профессиональной структуре занимают медицинская и научная интеллигенция – 8,2 % и 6,9 % соответственно. Особенностью социально-профессиональной структуры медицинской интеллигенции является деление внутри нее на врачей западной и традиционной медицины. Впервые врачей традиционной медицины начали упоминать в 1950-е годы. Говорилось, что их общая численность составляет 480 или 500 тысяч человек. На протяжении 50-х и 60-х годов эти цифры ни разу не менялись. Здесь важно отметить, что врачи указанной категории в несколько раз превышали специалистов западной медицины.³

Впервые отделения традиционной китайской медицины в КНР появились в 1955 г. В 1985 г. в 1455 больницах работало 487 тысяч профессиональных врачей и фармацевтов. К 1985 г. 132 тысячи врачей окончили курсы китайской медицины и более 2 тысяч получили диплом «старший врач комбинированной китайской медицины». Кроме этого в стране существовало два научно-исследовательских института, 38 лечебных учреждений тибетской медицины, в них работало 1400 врачей. Монгольская медицина представлена 31 лечебным учреждением с 3100 врачами. Сюда можно добавить один учебный и девять научно-исследовательских институтов. Уйгурская медицина – 26 больниц – 560 врачей и один НИИ. Медицина народно-

¹ Гуанмин жибао.- 1980.- 3 октября; Женьминь жибао.- 1980.- 9 октября.

² Гельбрас В.Г. Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления.- М.: Международные отношения, 1990.- С.285.

³ Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР в 50-60-е годы.- М.: Наука, 1980.- С.143-144.

сти тай представлена 350 врачами и двумя НИИ. ¹ Динамику роста численности медицинского персонала, больниц и НИИ можно проследить по нижеприведенной таблице 1. ²

Таблица 1 – Квалифицированный персонал в здравоохранении КНР.
Народная медицина

	1975	1980	1983	1985
Медицинский персонал народной медицины	223 635	262 185	313 217	336 244
Больницы	160	678	1009	1455
НИИ и отделения	29	47	48	54

С 1949 по 1985 год медицинские и фармацевтические высшие учебные заведения окончили 558 тысяч человек. За этот же период подготовлено 1 183 тысячи специалистов со средним специальным образованием, что в 29, 6 раза больше, чем до образования КНР.¹

Примерно равные доли между работниками торговли и культуры и искусства – 1,7 и 1,6 %. Другие группы (работники связи, геологии, лесоводства и строительства) в общей сложности составляют 8 % от числа всей интеллигенции.

КНР по-прежнему остается аграрной страной. Однако, если сравнивать структуру занятости в 1982 г. и в конце 1990-х годов, то станет ясно, что Китай постепенно превращается из аграрной в индустриальную страну. В целом по стране доля городского населения по стране в 2000 г. увеличилась с 26,2 до 36,1 % (по сравнению с 1990 г.), их общая численность составила 455,9 миллиона человек. Доля сельских жителей снизилась с 73,8 до 63,9 %.

Все больше экономически активного населения перемещается в промышленность, капитальное строительство и в так называемую III сферу (торговля, услуги, материально-техническое снабжение, транспорт, непроеизводственные сферы). В конце 90-х годов в отраслях материального производства было занято 74 % работающего населения, в непроеизводственной сфере – 26 %. Столь высокий процент в материальной сфере связан, в первую очередь, с большой численностью занятых в сельском хозяйстве. К концу 1984 г. в сельской

¹ Энциклопедия Нового Китая. – М.: Прогресс, 1989. – С.423–424.

² Там же. – С.425.

³ Там же. – С.426.

местности в коллективных и личных хозяйствах трудились 74,3% занятого населения, в 2000 г. – 70 %.¹

Таблица 2 – Распределение интеллигенции по социально-профессиональной структуре

Отрасль	% к общему числу интеллигенции	% интеллигенции к общему числу занятых в этой отрасли
Образование	31,9	12,81
Промышленность	24,6	1,56
Государственные органы	9,4	7,08
Медицина	8,2	9,50
Научные исследования	6,9	30,60
Строительство	4,3	1,77
Сельское хозяйство	2,4	0,03
Связь	2,0	1,02
Торговля	1,7	0,63
Культура и искусство	1,6	6,45
Управление	1,3	9,87
Геология	1,1	6,69
Партийные органы	0,9	4,66
Лесоводство	0,6	0,97
Животноводство	0,1	0,15

Источник: Guangming Daily. – 1984. – 17 June. – P.2.

Данные по отраслевой структуре китайской интеллигенции представлены в вышеприведенной таблице. Наибольший процент интеллигенции работает в сфере науки и составляет 30,6 % от общего числа занятых в данной области. Большинство научных сотрудников сконцентрировано в гуманитарных специальностях. Это связано с особенностью формирования китайской интеллигенции. Формирование научно-технической интеллигенции практически началось лишь после образования КНР и осуществлялось при помощи СССР, США и других стран. Специалисты высокой квалификации в области естественных наук составляют менее 1 % населения. Вклад научно-технических достижений китайских ученых в национальную экономику вырос с 26% в середине 80-х годов до 30–40 % в начале 90-х, однако все еще отстает от уровня в (50–70%) в развитых странах.²

¹ Энциклопедия Нового Китая. - М.: Прогресс, 1989. – С.26; Женьминь жибао. - 2001. - 1 марта.

² Энциклопедия Нового Китая. – С.30.

В 1990 г. менее 7% ученых и инженеров имели звания кандидатов наук, менее 2% технических специалистов получили среднетехническое образование.¹

Динамика возрастного распределения научной интеллигенции выглядит следующим образом. Согласно статистическим данным, опубликованным в 1978 г., средний возраст научных работников, имеющих степень кандидата наук, превышал 48 лет, средний возраст профессора – 58 лет, членов президиума АН КНР – 70 лет. В 1984 г. 85,4 % ученых – кандидатов наук были старше 50 лет, профессора в университете – 66 лет, а возраст 52 % советников – докторов наук превышал 65 лет. Стала актуальной проблема преемственности научных школ. Обследование показало, что к началу 90-х годов средний возраст профессора составлял 55-65 лет, доцентов – 50-55 лет и менее 10 из одной тысячи ученых и преподавателей моложе 40 лет получают научные степени.²

В сфере образования, начиная с конца 70-х годов, происходят поиски и эксперименты. Разрабатывается структура средней школы, система управления, найма учителей и единые программы. Продолжалось обсуждение проблем теории педагогики, активизировалось изучение зарубежного опыта в этой области. В частности, большой интерес в КНР вызвала советская реформа общеобразовательной школы, которой был посвящен ряд публикаций.³ Всего в середине 80-х в сфере просвещения интеллигенция составляла 12,8 %. В это время происходило улучшение квалификационной структуры педагогических кадров. Система найма учителей позволила удалить из сферы образования некомпетентных «народных учителей» (их труд оплачивался «за счет средств населения»), пришедших в школу во времена «культурной революции». При аттестациях учителей выявляется большой процент профессионально не пригодных. Так, среди учителей провинции Хэбэй не пригодных к преподавательскому труду оказалось 1600 человек (7 % преподавателей сельских школ провинции).⁴

¹ Янь Иньмоу. Лунь вого сяндай цзедуань ды кэсюэ чжишу цзяюи шуйпин вэньти // Шэхуй сюэ яньцзю- Пекин, 1993. – № 2. – С.32.

² Там же. – С.33.

³ Гаунмин жибао. – 1984. – 24 апреля; Жэньминь жибао. – 1984. – 1 апреля.

⁴ Гуанмин жибао. – 1984. – 27 июля.

В отрасли наблюдается недостаток педагогических кадров. Например, в 1982-1984 гг. в провинции Гуандун более половины учителей не имели высшего образования. Примерно половина из 8 миллионов учителей средних и начальных школ нуждается в переподготовке.¹ Профессия педагога непрестижна, и лишь малое число абитуриентов выражает желание поступить в педагогический вуз. Правительством принимаются различные меры стимуляции их притока в высшие учебные заведения названного профиля. В 1984 году набор в педагогические вузы составил 32 % числа принятых, причем подавляющее большинство абитуриентов (77,5 %) зачислены на специальности гуманитарного цикла (китайский язык, литература, история, иностранный язык и др.).²

В 1986 г. был принят Закон «Об обязательном образовании». Обязательное среднее образование будет вводиться параллельно с завершением начального всеобщего, на его базе. Закон официально закрепил существующее в стране разнообразие сроков обучения в начальных и неполных средних школах. Наряду с 2-ступенчатой девятилетней (6+3 либо 5+4 года) во многих деревнях узаконено функционирование восьмилетки (5+3 года). Интенсивное распространение здесь неполной средней школы обеспечивает 100%-ный охват ею выпускников начальной школы. Однако нехватка в целом по стране неполных средних школ вынуждает проводить при поступлении в них конкурсные экзамены. В результате лишь 68 % выпускников начальной школы имеет возможность продолжить образование.³

В законе закреплены определенные требования, предъявляемые к уровню квалификации учителей. Статья 13 гласит: «Государство планомерно добивается того, чтобы преподаватели начальных школ имели образование не ниже уровня педагогических училищ, а неполных средних школ – не ниже педагогических вузов».⁴

В 1980-90-е гг. в высших учебных заведениях наблюдается тенденция к изменению возрастной структуры преподавателей. Все большую роль начинают играть преподаватели среднего возраста. На-

¹ Жэньминь жибао. – 1986. – 13 апреля.

² Сычуань жибао. – 1984. – 27 мая.

³ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 1986. – М.: Наука, 1991. – С 225–226.

⁴ КНР ... в 1986 г. – С.227.

пример, в Фуданьском университете после аттестации 1985 г. средний возраст докторов наук составил 60 лет, доцентов – 50 лет, лекторов (старших преподавателей) – 40.¹ В целом возрастная структура интеллигенции представлена в приложении (табл. 3).

В 80-е годы наблюдается рост числа преподавательского состава разных уровней. В 1985 г. насчитывалось 9,5 миллиона учителей, что в 10,6 раза больше, чем в 1949 г. В 1986 г. рост числа преподавателей по сравнению с 1985 г. составил: в начальной школе – 37 тысяч человек, средней школе 1-й ступени – 106 тысяч, профессионально-технических училищах – 23 тысячи, в 1989 г. – 38 тысяч, техникумах – 13 тысяч, в средних специальных учебных заведениях – 19 тысяч, в высших учебных заведениях – 51 тысячу человек.

В сфере управления интеллигенция составляет 9,87 %. Сюда не входят государственные и партийные органы. За время реформы, с 1978 по 1986 г., удельный вес управленческого персонала увеличился с 12,1 до 15,1 %, в том числе инженерно-технических работников – с 2,8 до 4,2 %.

Эти данные совпадают с эмпирическими исследованиями. Например, выборочное исследование 3949 рабочих и служащих волостно-поселковых предприятий дало следующие результаты: 3 % окончили училища и менее 1 % высшие учебные заведения.

Данные исследования, проведенные в 1991 г., рассматривают социальное самочувствие управляющих, инженерно-технических работников и рабочих. Интересен факт, что уровень доходов управляющих среди слоев рабочего класса самый высокий, но при оценке уровня их доходов с другими слоями рабочих и служащих их самооценка самая низкая. Так, среднее значение оценки уровня доходов своего слоя управленческими работниками равняется 2,890, что ниже среднего значения оценки их доходов инженерно-техническими работниками (3,039) и рабочими (3,269). Неудовлетворенность управленческих работников проявляется и в оценке их социального положения. Среднее значение оценки управленческими работниками социального положения, например директоров предприятий, составило 3,984, что ниже среднего значения оценки ИТР (4,015) и рабочими (4,101). Уровень образования управленческих работников – 12,49,

¹ Гуанмин жибао. – 1986. – 21 января.

ИТР – 13,23.¹

В 90-х годах существенно вырос и укрепился экономический потенциал Китая, вышедшего по абсолютным размерам своего народного хозяйства на 7-е место в мире. Особенно динамично развивалась промышленность: среднегодовые темпы роста производства достигли 19,9 %. Получили значительное развитие высокотехнологические отрасли. Например, аэрокосмическая и авиационная промышленности. Сфера промышленности занимает второе место по количеству занятого населения. Стабильно расширяется отряд научных и инженерно-технических работников, хотя и недостаточно мобильно. В середине 80-х годов доля интеллигенции в промышленности составляла 1,56 %. К 1990 г. общая численность занятых на государственных предприятиях равнялась 105 миллионам человек, 4,7 % (около 4,9 миллиона человек) которых составляли инженерно-технические работники.

В 1993 г. во многих отраслях производства выпускники вузов и технических школ составляли менее 5 % технического персонала предприятий, в то время как в других странах – 8,7 %.² На конец 2000 г. на государственных предприятиях работало более 29,26 миллионов инженерно-технических работников разных специальностей. Количество ИТР за 10 лет возросло почти в 6 раз. Научно-технической деятельностью занимались 2,81 миллиона человек, в том числе 1,56 миллионов ученых и инженеров. Наблюдается тенденция, что в государственной промышленности интеллигенции больше на 5-10% чем в промышленности коллективной собственности.³

Большое место в развитии отраслей народного хозяйства уделяется геологии, которую в Китае считают базовой отраслью. Наиболее выдающимися достижениями последнего времени стало открытие месторождения нефти и газа в северной части пустыни Такламакан, запасы которых оцениваются в 10 миллиардов тонн, что в перспективе превратит этот район в «энергетическую базу Китая XXI века». В разработке теории и полевых изысканий занято более 4 тысяч

¹ Янь Иньмоу. Лунь вого сяндай цзедуань ды кэсюэ чжиши цзяюй шуйпин вэньти // Шэхуй юэ яньцзю. – Пекин, 1993. – № 2. – С. 22.

² Янь Иньмоу. Лунь вого сяндай цзедуань ды кэсюэ чжиши цзяюй шуйпин вэньти // Шэхуй сюэ яньцзю. – Пекин, 1993. – № 2. – С. 23.

³ Class in China: Stratification in a Classless society. – N.Y., L., 1987. – P.103.

научно-технических работников. В 80-е годы ими было осуществлено 474 проекта, 48 из которых международного уровня. В целом, интеллигенция в этой отрасли составляет 6,69 %.

В сфере культуры и искусства в середине 80-х годов интеллигенция составляла 6,45 %. Основные дискуссии о развитии духовной культуры связаны со стремлением найти в мировой цивилизации достойное место китайской культуре и сохранить ее самобытность. За годы модернизации происходит рост числа интеллигенции в области культуры и искусства. Например, если в 1949 г. было два вуза, готовивших библиотечных работников, к 1985 г. их насчитывалось 38, в них училось 3 912 студентов. В 1985 г. численность библиотек равнялась 2 344, в 2000 г. – 2 796.

В области литературы произошли заметные изменения: на смену доминировавшему в течение многих лет методу социалистического реализма пришли многочисленные школы и направления «новой волны», в том числе авангардизм, новый реализм, абсурдизм, магический реализм, документализм, романы культурологические, религиозно окрашенные и т.д. Союз китайских писателей включает в себя 2800 членов. Наибольшим успехом китайской литературы последнего времени можно считать присуждение Нобелевской премии по литературе за 2000 г. новеллисту, драматургу и художнику Гао Синцзяню, хотя сам автор в 1987 г. выехал из КНР и после тьяньаньмэньских событий отказался возвращаться на родину. Но это первая премия, присужденная китайскому писателю.

Жизнь и деятельность театра Китая характеризуется нарастающей интенсивностью перехода к рыночной экономике. Поиск путей выхода театра на мировой уровень, позволяющий конкурировать на международном рынке культуры. Наибольший рост развития учреждений культуры и искусства наблюдался в 1976 в 1950 году до 2808 в 1957 г. В 60-х годах говорилось только о 3000 труппах. К 2000 г. их осталось 2600.¹ При этом возросло число негосударственных «народных художественно-профессиональных коллективов» (5200 против 3000). Подготовкой театральных деятелей занимаются 3 ведущих высших учебных заведения плюс 28 средних театральных училищ.

¹ Чжунго сиззюй. – 2000. – № 4. – С.22.

Значительный прогресс в конце 80–90-х годов достигнут в сфере современных средств коммуникаций с использованием методов волоконной оптики, хотя в данной отрасли интеллигенция составляет 1,02%. Эти успехи говорят о высокой квалификации интеллигенции.

Наиболее важной отраслью материального производства является сельское хозяйство. В китайской деревне в настоящее время проживает 70 % (около 500 миллионов человек) экономически активного населения.¹ Основной проблемой сельского хозяйства является недостаток плодородной почвы и давление огромного количества населения. В 1979 г. в сельском хозяйстве было около 6,5 миллионов интеллигенции, включая управляющих предприятиями коллективной собственности.

По данным на конец 80-х – начало 90-х годов, сельская интеллигенция стала составлять 1,5– 2% от всего сельского населения. Она включала в себя две группы: первая причисляется к кадровым работникам либо к рабочим и служащим и по своему статусу и социально-материальным благам не отличается от своих городских коллег, а вторая (народные учителя, сельские лекари, техники и др.) относится к собственно крестьянам, лишенным соответствующих привилегий.² В середине 80-х годов в сельском хозяйстве интеллигенция составляла 0,03 %, в животноводстве – 0,15 %.³

Большую роль в развитии сельского хозяйства играют ученые-аграрники, которые достигли в настоящее время высоких показателей в своей сфере. В целом в 80–90-х годах в программу развития сельского хозяйства было вовлечено 1200 ученых из 204 учебных и научно-исследовательских учреждений.

В среднем в отраслях экономики КНР в 1984 г. работало около 6% лиц, имеющих высшее или незаконченное высшее образование. В целом по стране на этот период лица с высшим образованием составляли 0,6 %. Отсюда делаем вывод, что отрасли экономики в целом были обеспечены специалистами даже несколько выше, чем по стране в целом, исключая животноводство и сельское хозяйство.

¹ Жэньминь жибао. – 2001. – 1 марта.

² Экономическая реформа и социальные группы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: ИНИОН, 1994. – С.73.

³ Guangming Daily. – 1984. – 17 June.

Квалификационная структура позволяет выделить три слоя интеллигенции. Первый – это слой наиболее опытных, высококвалифицированных интеллектуалов. Второй – специалисты с законченным высшим образованием. Третий – специалисты со средним специальным образованием.

Например, в здравоохранении медицинский персонал составляет 4,42 миллиона человек; 1,41 миллиона врачей, т.е. специалистов первой и второй квалификации и третий слой – это 1,07 миллиона фельдшеров и медицинских сестер.¹ Это, соответственно, составляет 31,9 и 24,2 % от всего числа работающих в здравоохранении.

Данные показывают, что доля лиц с высшим образованием в медицине с 1984 по 2000 г. повысилась с 9,5 до 31,9 %, за 16 лет на 22,4%. А если учитывать и младший медицинский персонал, то доля интеллигенции в здравоохранении составила 56,1 % от всего числа работающих в этой области. За последние годы Китай занял одно из ведущих мест в мире по предупреждению и лечению заболеваний с использованием современных средств и достижений традиционной китайской медицины. В Китае создана «противораковая ракета», используемая при онкологических заболеваниях печени, которая вводится непосредственно в больной орган, уничтожая раковые клетки. Живая вакцина против вируса гепатита А – первая в своем роде в мире – снижает количество вирусоносителей на 95 %.²

Процент высококвалифицированных специалистов, имеющих высшие инженерно-технические звания, в составе управленческих работников составляет 7,04 %, ИТР – 2,33 %.

Будучи элементом социальной структуры общества, интеллигенция в соответствии с национально-государственным устройством КНР состоит из следующих отрядов: провинциальных, уездных, городских и т.д. Эти отряды имеют определенные черты, одной из которых является многонациональность.

В Китайской Народной Республике проживает 56 национальностей. По итогам переписи 2000 г. ханьцы составляют 91,59 % всего населения, что равно 1 159,4 миллиона человек. Остальные 55 национальностей – 8,41 % (106,43 миллиона) населения. Численность

¹ Китай: факты и цифры. – Пекин, Синьсин, 2000. – С.164.

¹ Wei Leeming. Science, technology bring about changes // Beijing review. – 1991. – Vol. 34. – №45. – P.22-26.

национальностей, насчитывающих более одного миллиона человек, составляет восемнадцать, более ста тысяч, но менее миллиона – пятнадцать, других двадцать две национальности – от нескольких тысяч до десятков тысяч.¹ Наиболее многочисленной этнической группой среди национальных меньшинств являются чжуанцы – 15,5 миллионов человек, а самой малочисленной – лоба (2,3 тысячи человек).

Удельный вес национальных групп колеблется. Перепись 1990 г. показала, что произошел значительный рост численности национальных меньшинств: за 8 лет – на 91,2 миллиона человек, или 35,5%. В действительности, прирост численности этого населения меньше, так как из итоговой цифры не исключены те, кто сменил национальность, чтобы воспользоваться льготами, которые стало предоставлять национальным меньшинствам центральное правительство. Косвенно это утверждение подтверждается тем, что наибольший рост численности произошел у маньчжуров и туцзя, незначительно отличающихся от ханьцев.² В 2000 г. доля населения нацменьшинств понизилась с 8,98 до 8,41 %.

Принцип использования национальной интеллигенции как посредников проведения политики КПК, введенный Мао Цзэдуном, полностью сохраняет свое значение и на современном этапе развития китайского общества.

Между представителями национальных меньшинств и ханьцами существуют значительные различия в уровне образования. Показатели грамотности у нацменьшинств значительно ниже, чем у населения в целом. Количество неграмотных и малограмотных среди них намного больше, чем в целом по стране. Здесь есть свои особенности. Более чем в 15 национальных группах уровень грамотности выше, чем общегосударственный. Так, среди корейцев высокий уровень грамотности. Здесь уже к 1980 г. почти 100 % населения было охвачено средним образованием. В 1983 г. в Корейском автономном районе Яньбянь на каждые 10 тысяч жителей приходилось 33 студента университета – этот показатель превышает общекайтайский уровень. Наиболее серьезное положение с грамотностью сохраняется на за-

¹ Китай: факты и цифры. – Пекин.: Синьсин, 2000. – С.6; Кузнецова В.В. Демографическое положение в КНР в 80-е годы // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. – М, 1996. – С64.

² Китай: факты и цифры. – С. 65.

паде Китая, где проживает большинство национальных групп. Здесь только пять из сорока национальных меньшинств достигли равного с общим по стране показателя уровня грамотности, в то время как на юго-западе и на юге центральной части ни одна из двадцати семи национальных групп не добилась такого результата.¹

В национальных районах всегда ощущалась острая потребность в специалистах различной квалификации, особенно в управленческом персонале для учреждений и предприятий. До 1978 г. основной упор делался на идейно-политическую лояльность и подготовку кадровых работников (ганьбу). Начиная с 80–90-х годов этот перекос в подготовке национальных кадров стал постепенно преодолеваться, хотя «идейно-политические качества» являются важнейшими и сегодня в подготовке национальной интеллигенции.

К 80-м годам выяснилось, что уровень образования в национальных районах не может считаться удовлетворительным, особенно в свете новых установок на «4 модернизации». Более того, в ряде районов развитие образования даже отставало от темпов роста населения.²

В начале 80-х годов были опубликованы данные, согласно которым число представителей национальных меньшинств – учащихся вузов – за 1952–1980 годы увеличилось в 13 раз. Имеющиеся данные говорят о том, что уже несколько лет происходит рост количества вузов, где обучаются студенты из национальных меньшинств, а также увеличивается их прием на соответствующие отделения крупных университетов, включая Пекинский, Цинхайский, а также Пекинский медицинский институт, где работают специальные подготовительные классы по совершенствованию знания китайского языка. Но эти темпы роста недостаточны, так как национальные меньшинства к моменту образования КНР, в отличие от ханьцев, не имели развитой системы образования.

С 1985 г. наблюдается устойчивый рост интеллигенции среди национальных меньшинств на всех уровнях, включая технические, сельскохозяйственные, педагогические и другие отряды, хотя в це-

¹ Postiglione G.A. China's national minorities and educational change // J. of Contemporary Asia. – Stockholm, 1992. – Vol. 22, № 1. – P.21-30.

² Дикарев А.Д. Демографические проблемы нацменьшинств в КНР. – М.: Изд-во «Восточная литература», РАН, 1996. – С.88.

лом показатели по-прежнему отстают от средних по стране. Например, к середине 90-х годов общее количество национальных кадров в КНР достигло 6,48 % (более 2 миллионов 600 тысяч человек) от общего количества кадровых работников в стране, что ниже процента не ханьского населения в Китае, которое в 1995 г. достигло 8,98%.

О состоянии базового образования, характерного для национальных районов, наглядно свидетельствуют данные, полученные в ходе организованной отделом образования Государственного комитета национальностей инспекционной поездки летом 1987 г. в Тибетский автономный район. Сообщалось, что в ТАР при численности населения 1 995 тысяч человек имелось лишь три вуза, в которых обучалось 2 860 студентов, среди которых лишь 66,4 % являлись не ханьцами (соотношение между ханьцами и национальными меньшинствами в автономных районах и округах смотрите в приложении, табл. 1). Полное среднее образование имели 1,2 %, среднее низшей ступени – 3,6 %, начальное – 16,3 %, высшее – 6 975 человек, то есть 0,37 % от всего населения ТАР.¹

Китайское руководство пытается создать такие условия для получения представителями нацменьшинств образования, чтобы они могли влиться в высшие руководящие органы управления страной. От того насколько успешно решается национальный вопрос, зависит политическая стабильность во всей стране. По мнению руководства КНР, решение национальной проблемы влияет на судьбу государства в целом, особенно на сохранение единства КНР, обеспечение целостности территории. Поэтому национальная интеллигенция является важным компонентом, обеспечивающим стабильность в стране. Особенности районов проживания не ханьцев и особенности самих национальных меньшинств обуславливают специфику национальной интеллигенции.

Согласно Конституции КНР в стране принято трехступенчатое административное деление: 1) страна разделена на провинции, автономные районы и города центрального подчинения; 2) провинции и автономные районы разделены на автономные округа, уезды, автономные уезды и города; 3) уезды и автономные уезды разделены на волости, национальные волости и поселки.

¹ Т.В.Лазарева. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949–1999).- М.: ИДВ РАН, 2001.- С.67-68.

В настоящее время в стране насчитывается четыре города центрального подчинения – Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин; 23 провинции; 5 автономных районов - автономный район Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский, Тибетский, Нинся-Хуэйский, Синцзян-Уйгурский автономный район. С 1 июля 1997 г. присоединен особый административный район (ОАР) Сянган, 20 декабря 1999 г. – ОАР Аомэнь.¹

Современное экономическое развитие КНР отличается довольно явной неравномерностью. По плотности проживания территорию страны можно разделить на четыре региона: восточный, центральный, северо-западный, юго-западный. Восточный регион – приморский, он включает провинции Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Хайнань, а также города центрального подчинения – Пекин, Шанхай и Тяньцзинь. Климатические и географические условия региона способствуют экономическому развитию. Для региона характерны развитая экономика, культура и образование, высокая плотность населения и богатые трудовые ресурсы. В регионе расположены четыре свободные экономические зоны, открытая провинция Хайнань, 14 открытых приморских городов и три дельты, получивших статус открытых зон освоения. Осуществление политики открытости способствовало ускорению темпов экономического развития региона, на который приходится большая часть производства экспортной продукции, привлеченного иностранного капитала, передовых технологий и оборудования.

Центральный регион состоит из провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Внутренней Монголии, Шаньси, Хэнань, Аньхуй, Хубэй, Хунань, Цзянси. В целом центральный регион экономически менее развит, чем восточный регион. На него приходится около 20 % территории страны и примерно 30 % населения. В регионе имеются производственные мощности для выпуска металлов и выработки электроэнергии, хорошо развиты сельское хозяйство, животноводство, лесоводство, создано несколько ключевых промышленных баз.

Северо-западный регион охватывает провинции Шаньси, Ганьсу, Нинся, Цинхай, Синьцзян, а юго-западный регион – Сычуань, Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань и Тибет. Эти два региона во многом сход-

¹ Китай: факты и цифры. – 2000.- Пекин: Синьсин, 2000.- С.4.

ны, они богаты минеральными ресурсами, но экономика развита слабо, климатические условия не благоприятствуют развитию, и они редко заселены. На эти два региона приходится 70 % территории страны и менее 30 % населения.¹

Отличительной чертой миграции с Запада на Восток является преобладание лиц, получивших образование в объеме не менее средней школы II ступени. До «культурной революции» около 80 % мигрантов, имеющих высшее образование, переезжало из центрального региона в западный, а 90 % – из восточного в центральный. В 80-е годы два западных региона стали важным источником мигрантов с университетским образованием для восточного региона: они составляют около 35 % из числа прибывших в восточный регион и примерно 50 % – в центральный. В последние годы перемещение стали определять, главным образом, частные интересы: четверо из пяти мигрантов с университетским образованием, переехавших на постоянное жительство на Восток, сделало это по собственному желанию. В то же время среди переехавших на Запад лиц с высшим образованием 60–70% составляли специалисты, направленные туда на работу по обязательному распределению. Можно предположить, что большинство из них постарается вернуться на Восток после окончания обязательного срока отработки. Если отмеченные тенденции сохранятся, то это приведет к нехватке хорошо подготовленного персонала в западных регионах и затруднит усилия правительства по их развитию.²

В миграционных потоках в период экономических реформ произошли изменения основного направления миграции с западного на восточное. Из всех переехавших на постоянное жительство на Восток за годы существования КНР около 60 % сделали это после 1978 г. Для китайской интеллигенции характерна высокая миграционная подвижность. Так, среди межрегиональных мигрантов выше удельный вес

¹Migration and urbanization in China / Ed. by H.D.Lincoln, Ma Xia.- Armonk (N.Y.); L.: Sharpe, 1994.-XVII, p.91. В.В.Кузнецова. Демографическое положение в КНР в 80-е годы // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. М.: ИНИОН, 1996.- С.85.

² В.В.Кузнецова. Демографическое положение в КНР в 80-е годы // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование.-М.: РАН ИНИОН, 1996.- С.87.

лиц, получивших образование на уровне университета, т.е. их образовательный уровень выше среднего по стране. В то же время на момент обследования технические специалисты составляли всего 4% межрегиональных мигрантов.

К концу 1999 г., в КНР насчитывалось 1 миллиард 259 миллионов человек. Если к 2025 г. темпы естественного прироста сохранятся, то численность населения достигнет 1,6 миллиарда человек. Такое огромное количество народонаселения будет тяжелым бременем для экономического развития, среды и естественных ресурсов. В КНР активно проводится жесткая демографическая политика: «одной семье – один ребенок». В отношении национальных меньшинств допускается иметь больше одного ребенка.

По данным переписи 2000 г., национальных меньшинств насчитывалось 106 миллионов человек против 99,5 миллиона прогнозируемых учеными (см. табл. 2). Рост составил около 7 %, учитывая максимально четыре ребенка в семье. Численность национальных меньшинств превысила прогнозируемый предел при уменьшении доли в населении страны в процентном отношении. Сегодня Китай располагает обширным отрядом национальной интеллигенции, в составе которого есть и кадры, работающие в партийно-административной сфере, и управленческий персонал предприятий и учреждений, научно-технические кадры, преподаватели и т.д.

Одной из особенностей демографической ситуации в КНР является постепенное увеличение разрыва между численностью мужчин и женщин. В 1990 г. мужчины составляли 51,63 % населения страны, а женщины – 48,37 %. Соотношение численности мужчин к численности женщин в пропорции 106,6 : 100 – самый высокий показатель после переписи 1953 г. Стоит отметить, что уровень образования женщины оказывает влияние на фертильное поведение, т.е. женщины из числа интеллигенции, как правило, имеют одного ребенка и придерживаются демографической политики государства. Образование женщины можно рассматривать как микроиндикатор экономического развития: в экономически более развитых районах уровень образования женщин выше.

В 90-х годах стало больше внимания уделяться участию женщин в политической жизни страны, в том числе из национальных меньшинств. Например, о росте рядов кадровых работников из чис-

ла женщин не ханьских национальностей свидетельствуют данные о представительстве их в органах ВСНП (Всекаитайский совет народных представителей). Так, в 1983 г. на 6-й сессии ВСНП их насчитывалось 104 (25,8 %). В 1993 г. их число достигло 111. В Тибетском автономном районе по состоянию на 1990 г. женщины были представлены 30 % всех кадровых работников района, среди которых тибетки и представительницы других национальностей составляли 57,4 %. В более мелких административных единицах также заметен рост рядов женщин – кадровых работников. Например, в бывшем Хайнань-Ли-Мяоском автономном округе в 1987 г. имелось более 2100 кадровых работников-женщин национальностей ли и мяо, что составляло 7 % от всех ганьбу этого округа. В 1993 г. Дали-Байском автономном округе провинции Юньнань в окружных органах власти, партийных и общественных организациях кадровые работники неханьских национальностей насчитывали 25 259 человек, из них 4 511 человек – женщины, что составляло 17,9 % от общего числа кадровых работников.¹ В целом численность женщин – кадровых работников в 1988 г. достигла 8,7 миллионов, что составило 29 % общего числа кадровых работников страны (в 1951 г. было 150 тысяч). Число министров и заместителей министров-женщин в Госсовете составляет 6,7 % общего числа руководящих кадров на этом уровне. Доля женщин среди председателей и заместителей председателей – 6,3 %, среди секретарей и заместителей секретарей провинциальных парткомов – 4,1 %. В 1988 г. было 98 589 женщин – кадровых работников, работающих в федерациях женщин районного уровня и выше.

К концу 1987 г. 64 635 женщин получили высшее и среднее специальное образование. Среди рабочих и служащих женщин на долю лиц, имеющих высшее и ускоренное высшее образование приходилось 6,92 %, имеющих образование в объеме средней школы высшей ступени и среднее специальное образование составляли 36,84%. В 1988 г. доля женщин среди технических специалистов – 34,9%. Среди кадровых рабочих женщины – технические специалисты составляют 81,4%. В 1987 г. 88 женщин имели ученую степень доктора наук, около 7 тысяч женщин учились в докторантуре, 63 женщи-

---

¹ Миньцзу яньцзу. – 1995. – № 4. – С.19.

ны имели звание специалистов государственной категории.

За годы после «культурной революции» в КНР значительно повысился качественный уровень подготовки интеллигенции. Увеличились социально-профессиональные, отраслевые отряды интеллигенции, улучшилась квалификационная структура. Можно констатировать небольшой, но устойчивый рост национальной интеллигенции. В связи с урбанизацией наблюдается тенденция повышения доли городской интеллигенции. Исходя из выше перечисленного, можно сделать вывод о значительном улучшении положения интеллигенции в КНР, хотя роль ее в обществе еще не до конца признана, о чем будет говориться в следующем параграфе.

2.2. Основные функции китайской интеллигенции

Китайская интеллигенция играет важную роль в процессе модернизации общества. Она выступает основным создателем духовных ценностей, выполняет многообразные и сложные функции во всех сферах жизни общества: экономической, социальной, политической и духовной.

Что мы понимаем под определением «функция»? В «Словаре по социологии» дается следующее определение: «Функция (лат. – исполнение, совершение) – 1) роль, которую выполняет тот или иной элемент социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении интересов социальных групп и классов; 2) зависимость между различными социальными процессами, выражаемая в функциональной зависимости переменных; 3) социальное действие, ставшее стандартизированным, регулируемое определенными нормами и контролируемое социальными институтами.¹

С момента зарождения китайской интеллигенции в древности ей были присущи мировоззренческая, идеологическая и хозяйственная функции. Можно выделить и ряд следующих: организаторскую, идейно-воспитательную, культурно-просветительную, интеграции, целедостижения, адаптации, воспроизводства образца.

На начальных стадиях развития китайского общества система взглядов, идей об окружающем мире разрабатывалась в лоне мифологических представлений древних гадателей, колдунов, жрецов. До

¹ Айзикович А.С. Краткий словарь по социологии. – М.: Политиздат, 1989. – С.438.

сегодняшнего времени сохранилась гадательная практика, описанная в «И цзин» – «Книге Перемен». Постепенно складывались представления древних китайцев о Тянь (Небе), Шаньди (Верховном императоре). Для китайской цивилизации характерно развитое философское мировоззрение, основы которого зародились в период становления интеллигенции. Оформление и расцвет интеллектуальной мысли можно наблюдать в эпоху Чжаньго (V-IV вв. до н.э.). В философских школах Древнего Китая отразилось все богатство мировоззренческих идей мировой цивилизации. Идеологическая функция проявлялась в формировании общественного сознания с помощью интеллектуалов-бюрократов. Для Китая характерна развитая бюрократия – мандаринат. «Мандаринат» не включает в себя всех китайских интеллектуалов, и интеллигенция – это лишь часть организационной структуры, которую составляет мандаринат. Мандарины являлись советниками правителей. По мнению Э.Балаза¹, закрытые отношения между членами образованной элиты и государством были постоянной особенностью китайской истории, включая революционную эру, и продолжают развиваться и в настоящее время. В современном китайском обществе интеллигенция потеряла позиции в государственной бюрократии, но это не привело к немедленному возникновению независимых профессионалов. Трагедия китайских интеллектуалов, как отмечает Д.Келли, в том, что «они остаются как страда, экспонат системы, которой противопоставляются». Интеллектуалы сделали следующий шаг в движении от священников-рантье, обслуживающих государство (конфуцианское или ленинское), к профессионалам, оплачиваемым государством. Но связь их остается прочной, и это одна из причин, почему события 1989 г. не привели к смене режима. Значение Тяньаньмэньских выступлений заключается в том, что эти события подтолкнули данный процесс вперед. Однако мандаринская профессия, которая призывает ко всеобщему обслуживанию государства через централизованную бюрократию и унифицированную идеологию, еще не исчезла сегодня и является предпочтительной, чем профессиональные специалисты, обслуживающие нацию через многообразие отдельных институтов в пределах различных идеологий. В сегодняшнем Китае мож-

¹ E.Balazs. Chinese Civilization and Bureaucracy. Ed. A.F.Wright. – New Haven: Yale University Press, 1964.- P.13.

но выделить основные интеллектуальные группировки: студенты, «демократические радикалы», «аполитичные профессионалы» и сегодняшние мандарины – «ганьбу»¹.

В социальной структуре китайского общества все еще сохраняется старая интеллигенция, основанная мандарином. Его институты и отношения в современном воплощении все еще существуют и являются привлекательными для талантливых интеллектуалов, так как имеют поддержку партии, государства и армии. Система распределения работы в КНР через рабочие единицы (данвэй) дает государству сегодня даже больший контроль над интеллигенцией, чем знаменитая императорская экзаменационная система, которая в течение тысячелетий привязывала к государству конфуцианскую элиту. Рабочие единицы господствуют в жизни индивидов в Китае, особенно городской интеллигенции. Данвэй не только распределяет жалованье, жилье, медицинские услуги, но и контролирует выдачу разрешений для путешествий, детское обучение, перемещения по работе.

Можно констатировать, что образованная элита конца 19 – начала 20 века потеряла статусы землевладельцев (landlord) и ученой элиты (shenshi) и в середине 20 века приняла статус интеллигенции (zhishifenzi) и кадровых работников (ganbu). Социальные изменения повлекли за собой и смену функций. Хотя социалистическая интеллигенция хотела продолжить роль цензоров (действовать как лояльные критики государства), КПК не создала институтов, равных имперскому цензорному управлению. Кроме того, интеллигенция при социализме не имела местных организаций по родству и происхождению, которые имели традиционные джентри. Они не имели никакого имущества, возможностей укрыться от немилости власть держащих.

Идеология государства и партии основывалась на активном проявлении лояльности со стороны интеллигенции. Интеллигенция потеряла возможность быть аполитичной. Если в 1955 г. это было не столь важно, то в 1966 г. это был вопрос жизни и смерти. А в 1980-х это явилось яблоком раздора для реформистской интеллигенции.

Исходя из того, что интеллигенция есть продукт общественного

---

¹Cheek T. From Priest to Professional: Intellectuals and State Under the CCP // Popular Protest and Political Culture in Modern China: Learning from 1989. – Boulder: West View Press, 1992. - P.139.

разделения труда, следует ее ответственность за умственную деятельность или функция культуропроизводства: производство культурных продуктов и их функционирование в обществе, ответственность за сохранение вечных духовных ценностей и их трансляцию из поколения в поколение, а также непосредственно творческую деятельность по созданию многочисленных культурных благ.

Мы попытаемся рассмотреть изменение функций китайской интеллигенции через взаимодействия ролей (характеризующихся уровнем компетентности и уровнем ответственности) и системы стратификации с точки зрения основателя структурного функционализма Т.Парсонса. Выделяем три основных направления, оценивая: 1) возможное соответствие между уровнем компетенции и уровнем ответственности. По Т.Парсонсу, предполагается, что возрастание уровня компетенции неизбежно ведет к росту уровня ответственности. С древности до середины XIX века данная роль была справедлива по отношению к китайской интеллигенции. Однако исходя из современной системы стратификации в КНР интеллигенция не обладает тем уровнем ответственности (связанным с уровнем административных полномочий), за исключением ганьбу, который изначально задан одной из основных характеристик данной группы – выполнением сложного умственного труда. Критерием отбора на административные должности в большей мере служат политическая лояльность, принадлежность к партийным органам, иногда и к «кланам», а затем уже уровень компетенции. В 80–90-е годы в КНР стали уделять большее внимание уровню подготовленности работников на всех уровнях.

2) Соотношение уровня компетенции, уровня ответственности и уровня возможностей. Теоретическая схема Т.Парсонса с необходимостью полагает наличие корреляционной связи между данными показателями. На практике же положение интеллигенции демонстрирует почти полное отсутствие парсонсианского «уровня возможностей». Китайская интеллигенция имеет возможность опосредованного воздействия на изменение социальной действительности из-за отсутствия материальных и административных возможностей.

3) Особо ярко демонстрирует необоснованное принижение роли интеллигенции в китайском обществе показатель взаимодействия уровня компетенции, уровня ответственности, уровня возможностей, с одной стороны, и уровня поощрения с другой. По Т.Парсонсу,

именно система распределения поощрений является основным критерием в построении стратификационной схемы и именно она определяет значимость системы ролей интеллигенции в конкретном обществе. В случае с китайской интеллигенцией мы наблюдаем крайне низкое материальное поощрение, исключая высококвалифицированных интеллектуалов. Внутри нее высокий уровень дифференциации.

Функциональные обязанности отдельных групп интеллигенции разделены следующим образом:

1) Для интеллигенции, участвующей в развитии материального производства, характерны следующие социальные функции: организация производственного процесса; разработка, проектирование и конструирование новых средств труда, технологических процессов; рационализация и совершенствование технологических процессов; планирование и инженерно-экономическое регулирование; научные исследования и внедрение достижений науки в производство.

В годы шестой пятилетки (1981–1985) разрабатывалось 38 научно-технических проектов в девяти отраслях. Полученные результаты дали экономический эффект в 12,7 миллиона юаней. В 1983 г. была принята программа развития ключевых отраслей науки и техники. К осуществлению этой программы было привлечено 130 тысяч научных работников и инженеров. Было сделано почти 11 тысяч открытий, 80 % которых сыграли значительную роль в строительстве национальной экономики, заложив фундамент для дальнейшего технического прогресса.¹

2) В духовной, социально-культурной сфере культуротворческую, просветительную, воспитательную функции, производство духовных ценностей в области науки, просвещения, литературы и искусства, функцию охраны здоровья профессионально осуществляет гуманитарная интеллигенция, а также работники здравоохранения и социальные работники.

Основными тенденциями развития культуры выступает стремление найти в мировой цивилизации достойное место китайской культуре и вместе с тем сохранить ее национальную самобытность. Среди деятелей китайской культуры в последнее время утвердилось представление о ней как о культуре плюралистической, многосос-

¹ Развитие науки и техники в 80-е годы. – Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10. Китаеведение. – 1992. - № 4. – С.10-15

тавной (доюаньхуа), выполняющей в нынешних рыночных условиях разнообразные воспитательные, просветительские, увеселительные и развлекательные функции. Это породило многообразие жанров, форм, тем, сюжетов и изобилие художественной продукции. Широко раздвинулись рамки «дозволенного». В идейном плане главным критерием оценки любого произведения остается «служение социализму, служение народу».¹

Образовательная функция стала особой актуальной функцией интеллигенции в последние двадцать пять лет модернизации. Наблюдается динамичное увеличение числа преподавателей всех уровней и улучшение подготовки учителей. Если к началу 80-х годов значительная часть педагогических кадров имели низкую квалификацию, на сегодняшний момент произошло значительное улучшение этой проблемы. Данная функция особенно важна в современном обществе, так как в Китае издревле существовала пропасть между образованными людьми и неграмотным народом. Особенности языка, сложность иероглифической письменности создали препятствие для всеобщего овладения грамотой. Китайская интеллигенция успешно справляется с задачей устранения неграмотности в стране. Так, с 1982 по 2000 г. процент неграмотных уменьшился с 23,5 до 6,7 %.

Функция охраны здоровья медицинской интеллигенции тесно связана с развитием системы здравоохранения в КНР. Хотя еще недостаточно представлены медицинские учреждения в сельских районах, в целом, достигнуты значительные успехи. Разработаны и внедрены вакцины от массовых эпидемий (грипп, гепатит), а также онкологических заболеваний.

Весьма специфической, латентной функцией современной интеллигенции является интеллектуально-репрессивная функция, состоящая в оформлении ментальности и интересов того или иного класса, группы, в построении языка, понятного и доступного большей части населения.

3) В сфере управления функции государственного управления и осуществления власти, регулирования отношений между людьми в процессе производства и распределения благ выступают специалис-

¹ Китайская Народная Республика в 2000 г. Политика, экономика, культура.- М.: Наука, 2001. – С. 292.

ты, занятые в организациях и учреждениях государственного управления, так называемые ганьбу. Внутри их выделяется политическая элита и чиновники. Они оказывают огромное влияние на формирование политической системы. Сам процесс модернизации общества был предпринят сверху высшим руководством страны. Причем, на местах нередко провинциальные кадровые работники создавали препятствия. В начале 1980-х годов интеллигенция среди ганьбу составляла лишь 6 %, но именно эта небольшая группа явилась активным двигателем реформ.

Весьма интересной функцией интеллигенции является роль «лобби», группы давления. Она специфична, так как интеллигенция защищает не свои интересы и предпочтения, больше процессуальна, чем результативна.

В 1987 г. Мерле Голдман (Merle Goldman) и Тимоти Чик (Timothy Cheek) предложили три функции (роли) интеллектуалов: 1) идеологические представители (Ideological spokesman) государства, роль, которая доминировала в карьере партийного теоретика Ай Сыци; 2) академической и профессиональной элиты, роли множества китайских интеллектуалов, пытавшихся с переменным успехом отделиться от политической жизни в КНР; 3) интеллектуалы-критики. Это опасная современная роль конфуцианского цензора и участников движения «4 мая».

Ту Вэймином предложено рассмотрение функций китайской интеллигенции в терминах трех накладывающихся сфер деятельности: 1) область zheng (политика или управление); 2) область хуе (обучение и преподавание); и 3) dao (почти непереводаемый этический и религиозный термин, часто представляемый как «путь», но здесь употребляется как поиск трансцендентного). Ценность выделения такой классификации сфер деятельности заключается не только в укоренении этих концепций в китайской культуре и моделях интеллектуальной деятельности, доступной существующей китайской интеллигенции, но также в возможности этих сфер деятельности связать оппозиционные типы интеллектуалов.

Примерами современных китайских мандаринов являются: прежний литературный «царь» Чжоу Янг или гуманистический теоретик Ван Жуошуй, или неизвестный астрофизик, демократ Фан Личжи, экономист Сун Ефан или партийный пропагандист Дэн То.

Роль идеологических представителей характерна как для традиционного Китая, так и для современного общества. Сегодняшние ганьбу (scholar-cadres) сохраняют свой стутус-кво и поддерживают официальную политику даже при том, что они внутренне могут не соглашаться с ней. В данной группе выделяется небольшое число хранителей и распространителей официальной идеологии и ценностей. Ай Сици иллюстрирует эту роль преданного функционера в КНР. Он последовательно защищает государственную ортодоксию и обеспечивает авторитетную интерпретацию взглядов и политики власть придержащих в любое время и при любых условиях. Изложение догм и энергичное подавление взглядов тех, кто подвергает сомнению официальную политику, помещает Ай Сици в первый ранг официальных идеологов. Некритическая лояльность к политическому лидерству создала неразрешимые трудности для Ая и других идеологических представителей (например, Чжоу Янга).

В отношении к академической и профессиональной элите существует традиция в китайской культуре. Для них характерна функция профессиональной экспертизы, которая изменяется с течением времени. Джон Дардесс указывает на появление первых ученых – должностных лиц во время между династиями Юань и Мин они стали развиваться как управленцы (менеджеры), которые были относительно независимы от государственных указов. Однако из-за их обязательств по отношению к конфуцианской этике, которая в традиционном Китае отменила обязательства к профессиональным стандартам, они не были полностью профессионалами. Однако не все вопросы, с которыми имели дело ученые – должностные лица имели моральное или политическое значение. Некоторые просто требовали экспертизы. Бенджамин Элман в работе «От философии до филологии» описывает появление профессионалов среди литераторов в академических объединениях в центральной области Китая Янани в девятнадцатом веке. Таким образом, в предмодернизационный период образованная элита стала профессиональной, но это не означало ее независимости от идеологии государства. В конце Цинской династии наблюдается появление независимого класса профессионалов в разнообразных областях – юриспруденция, медицина, журналистика, бизнес и инженерия. С приходом к власти в 1949 г. Коммунистической партии небольшое число примкнуло к Гоминьдану,

были экспропрированы, но большинство предложили свои услуги из чувства патриотизма. Они надеялись, что КПК, наконец, объединит Китай и будет продвигать его по пути модернизации, которая поможет стране достигнуть богатства и мощи. Эти профессионалы и академики согласились на контроль государством своей деятельности, если это поможет государству. Но в дальнейшем этот контроль стал чрезвычайно жестким, государство пыталось контролировать не только профессиональную деятельность, но и вопросы веры, убеждений и нравственных ценностей. В период маоистской эры в течение кампании «Сотни цветов» 1957 г. и в 1961 и 1962 годах значительное число адвокатов, ученых, писателей, экономистов, журналистов и историков, а также другие высокоинтеллектуалы потребовали права на профессиональную деятельность без политического вмешательства в свои области экспертизы. В период «культурной революции» наиболее пострадала гуманитарная интеллигенция и в меньшей мере – техническая. В дэновскую эру техническая интеллигенция также имеет больше привилегий, например, в подписании контрактов с совместными предприятиями, чем гуманитарная, которая подвергалась большим гонениям.

Интеллигенция Китая является также наследницей еще одной функции – обязательства традиционных ученых – выражение протеста тирании и произволу власти. Она более развита, чем профессиональная роль в традиционном Китае. Хотя династическая система базировалась на авторитаризме, она была основана на моральных ценностях конфуцианства, соблюдение которых должно было оцениваться со стороны интеллигенции. Они действовали в рамках Цензурного управления.

Небольшое число интеллигенции в КНР продолжает эту роль и в настоящее время. Они больше обеспокоены философским происхождением и моральными последствиями неудач государственных лидеров, чем поддержкой текущей линии партии или освоением профессиональных навыков.

Здесь необходимо ввести еще две типологии китайской интеллигенции, предложенные Т.Чиком. Первая рассматривает типологию дихотомично: радикалы (маоисты) против либералов (и позже реформаторских радикалов); марксисты-конфуцианцы против учрежденческих радикалов; учрежденческие интеллектуалы (ганьбу) про-

тив маоистов. И вторая более широкая типология: инквизиторы (цензоры), технократы, критические интеллектуалы и диссиденты.

Современная трансформация интеллигенции все больше приводит к профессионализации и появлению интеллектуалов. Интеллектуал есть практик умственного труда. Интеллектуалы считают себя «идеомэнами», т.е. людьми идей, способными трансформировать аппарат власти изнутри. При попытке привлечения интеллектуалов во власть возникают противоречия с внутренними убеждениями. Можно согласиться с Л.Козером, что «роль человека власти и роль интеллектуала не могут быть успешно совмещены... для того чтобы действовать на равных среди тех, кто наделен властными полномочиями в качестве собственно политика, либо в качестве компетентного эксперта, – необходимо принести в жертву интеллект»¹.

Особенностью рассматриваемого периода времени является институализация интеллигенции, которая неизбежна в современном мире. Все функции институализированы, хотя это не мешает интеллигенции оставаться чутко настроенным барометром нравственности и справедливости.

2.3. Социальные источники пополнения интеллигенции и ее воспроизводство через систему образования

Изучение социальной структуры интеллигенции требует рассмотрения вопроса воспроизводства источников пополнения. Некоторые аспекты таких исследований стали традиционными, но актуальность их не уменьшилась. Непрерывное воспроизводство интеллигенции – закономерный процесс. Пополнение формируется из представителей различных общественных групп, являющихся элементами социальной структуры общества. Сюда включаются такие социальные группы, как городское и сельское население, работники преимущественно умственного и физического труда. По социально-демографическим признакам к общественным группам относятся: молодежь, женщины, мужчины и пенсионеры. Все перечисленные социальные и социально-демографические группы являются источниками пополнения интеллигенции.²

¹ Kozer L. Men of Ideas: A Sociologist's View. – N.Y., 1965. - P. 65.

² Осинский И.И. Развитие интеллигенции национальных районов Сибири. – М.: МГПИ, 1985. – С.155.

Анализ социальных источников пополнения интеллигенции позволяет выявить представители каких классов, социальных слоев и групп вовлекаются в интеллектуально-творческий процесс. За прошедшие двадцать лет наблюдается возрастание интеллектуального потенциала китайского общества, выразившееся в количественном и качественном росте интеллигенции. Поэтому становится актуальным выяснение источников ее пополнения, основные каналы и формы регулирования процесса воспроизводства интеллигенции.

На различных этапах развития общества источники, пути и формы воспроизводства интеллигенции не остаются неизменными. В ходе реформирования общества они претерпевают определенные изменения. Эти изменения определяются сдвигами в социальной структуре общества. К источникам формирования китайской интеллигенции к моменту образования КНР в 1949 г. относили следующие группы: 1) профессиональных революционеров (ганьбу); 2) «пролетарскую», примкнувшую к революции, интеллигенцию; 3) буржуазных и мелкобуржуазных специалистов; 4) образованных людей из числа бывших капиталистов, имеющих опыт руководства предприятием; 5) выдвинутых из числа рабочих, крестьян и служащих.¹ Более развернуто состав китайской интеллигенции дан в книге «Классы и классовая структура в КНР»: 1) традиционная шэньшуйская интеллигенция, получившая классическую каноническую подготовку; 2) буржуазная интеллигенция, представлявшая интересы нарождавшегося китайского капитализма и получившая западное образование в миссионерских школах и колледжах в Китае или за границей: в Европе, США и Японии; 3) мелкобуржуазная интеллигенция, ознакомившаяся частично с западными радикальными идеями – анархизмом, лассальянством, народничеством; часть ее после Октябрьской революции восприняла марксизм-ленинизм; 4) революционная интеллигенция, сформировавшаяся в 1925–1949 годы из числа передовых рабочих и крестьян, составивших костяк кадров среднего и низшего звена в КПК, НОАК и административных органах освобожденных районов.²

¹ Методологические исследования места интеллигенции в социалистических странах развитого социализма. - М., 1979.- С. 34.

² Классы и классовая структура в КНР. - М.: Глав. ред. восточной литературы изд-ва «Наука», 1982.- С.158-159.

В современных условиях основными формами пополнения интеллигенции являются высшие и средние специальные учебные заведения. Именно в рамках данных институтов происходит подготовка молодого поколения к выполнению функций работников интеллектуального труда, окончательно развиваются и закрепляются морально-этические нормы, обогащается мировоззрение, и даются установки, которые в дальнейшем воплотятся в практическую деятельность. Поэтому изменение источников пополнения интеллигенции можно рассматривать через социальную структуру студенчества. Студенчество в значительной степени примыкает к интеллигенции, входит в ее состав, хотя между этими категориями нет полного тождества. В социальной структуре китайского общества происходит быстрый рост молодежи, обучающейся в высшей школе. Если в 1990 г. доля студентов вузов составляла всего 0,12 % всего населения, то в 2000 г. уже 6 %.¹

Во многом изменения в составе источников пополнения китайского студенчества регулируются со стороны партийных органов и государства, вплоть до настоящего периода. С усилением дифференциации общества усилилось социальное и экономическое неравенство. Хотя в КНР принят закон об обязательном среднем образовании, это не означает, что оно бесплатное, так же как и среднее специальное и высшее.

Кроме того, сказывается более слабая подготовка сельских школьников, обусловленная недостатком квалифицированных педагогических кадров на селе, слабая учебная и материальная база. Сказывается и влияние рыночных отношений, когда значительное число молодежи предпочитает зарабатывать, чем учиться.

Большое влияние оказывает неразвитая система образования. До освобождения учебные заведения были неравномерно распределены по территории страны. Значительная часть вузов находилась в нескольких больших приморских городах; очень мало их было во внутренних районах, а в Нинся-Хуэйском автономном районе, в провинции Цинхай Внутренней Монголии не было вовсе. В Тибетском автономном районе не было не только вузов, но средних и начальных школ. В 1984 г. в провинции Цинхай и трех автономных райо-

¹ Хун Инфан. Чжунжихань жэньли цзыюань кайфа юй фачжань сяоин гоцзи бицзяо.- Чанчунь, 2000.- С.87.

нах – 29 вузов и университетов. В Тибете – 3 вуза, 13 профтехучилищ, 55 средних и 2542 начальные школы.¹

На протяжении 50-60-х годов крупными источниками пополнения интеллигенции оставались выходцы из семей интеллигенции, а также представители мелкобуржуазных и эксплуататорских слоев населения. Доля детей рабочих и крестьян на протяжении 1949-1965 годов не подвергалась резким изменениям. Только 41 % почти из 7 миллионов студентов высших учебных заведений приходился на долю выходцев из указанных социальных слоев. В средних специальных учебных заведениях их доля была выше 59 %.² По официальным данным, даже в 1965 г. удельный вес выходцев из эксплуататорских семей составлял 9,6 % всех студентов вузов и 5,2 % учащихся средних специальных заведений.³

На Всекитайском совещании по развитию науки, состоявшемся в марте 1978 г., отмечалось, что 2/3 китайской интеллигенции в середине 70-х годов составили выходцы из семей «трудового народа». Подобный вывод сделан в связи с тем, что в отличие от 50-х, 60-х и первой половины 70-х годов интеллигенция стала признаваться составной частью трудящихся. В начале 70-х, по мнению В.Г.Гельбраса, доля выходцев из семей рабочих и служащих среди специалистов с высшим и средним специальным образованием, окончивших учебные заведения после 1949 г., составила примерно 41 %, выходцы из самой интеллигенции составили примерно 20 % общей численности интеллигенции. Доля представителей мелкобуржуазных и эксплуататорских слоев равнялась примерно 1/3 всей интеллигенции.

Большую часть пополнения интеллигенции 50–60-х годов составили практики-самоучки. В 70-е годы к ним прибавились лица, прошедшие краткосрочные курсы в различных учреждениях, типа «21 июля», т.е. имеющие очень слабую подготовку. Все это сказало на качестве китайской интеллигенции, которая к началу модернизации имела низкую общеобразовательную и профессиональную подготовку. После «культурной революции», которая подорвала и так низкий уровень образования населения, наметились сдвиги. В 1978 г. в основном определилась политика нового руководства в

области образования. В январе-феврале был издан ряд постановлений: решение о создании по стране сети ключевых средних и начальных школ; директива Госсовета КНР о переводе преподавателей в ведение административных учреждений, занимающихся вопросами образования (запрещалось использовать учителей на работе не по специальности, что широко практиковалось в предшествующее десятилетие); проект введения в опытный порядке системы десятилетнего образования в школах полного учебного дня (вместо 12 лет до 1966 г. и 9 лет, установленных в период «культурной революции», теперь 5 лет начальной школы дополнялись двумя ступенями средней школы – 3 и 2 года). По весьма приблизительным и, вероятно, завышенным оценкам китайских властей количество учащихся школ различных уровней составляло в 1978 г. около 200 миллионов (из них 150 млн. в начальной и около 58 млн. в средней школе).¹

До «культурной революции» за годы, прошедшие после образования КНР, количество вузов возросло вдвое. В 1966 г. большинство вузов прекратили свое функционирование и были открыты лишь в 1970 г. В конце 1978 г. насчитывалось 598 вузов, в которых обучалось 850 тысяч человек.² В этом году к занятиям приступили 276 тысяч человек, было выпущено в общей сложности 166 тысяч специалистов. Правила приема были следующими: возраст абитуриентов не должен превышать 25 лет, исключения делались только для особо одаренных, а также для выпускников школы 1966-1967 годов, т.е. начала «культурной революции». К экзаменам не допускались учащиеся университетов «21 июля», сельскохозяйственных университетов «7 мая», учащиеся и выпускники средних технических учебных заведений и лица, направленные на работу в сельскохозяйственные районы, но не выехавшие туда. Учителя средней и начальной школы могли поступать только в педагогический вуз.

Из 598 вузов 88 объявлены «ключевыми», это означает, что государство в первую очередь будет укреплять материально-техническую базу и снабжать лучшими преподавательскими кадрами именно эти вузы. Разделение вузов на различные категории фактически и юридически закрепило разницу в уровнях высшего образования, сложившуюся еще в период «большого скачка». Это говорит об эли-

¹ Энциклопедия Нового Китая. – С.364.

² Гельбрас В.Г. Указ.соч. – С.145

³ Жэньминь жибао. – 1978. – 18 ноября.

¹ КНР в 1978 г Политика, экономика, идеология. – М.: Наука, 1980.- С.287-288.

² Там же. – С. 290.

тарных тенденциях в области образования.¹

Открылся доступ к высшему и среднему специальному образованию для детей крестьян и рабочих. Однако платность образования в КНР, тяжелые материальные условия жизни создавали трудности для получения образования выходцами из данных социальных классов. Число студентов и школьников в середине двадцатого века увеличилось до 130 миллионов человек. 64,6 % всех студентов составляли дети рабочих и крестьян, а выходцы из эксплуататорских классов – всего 9,4%.² Хотя в 1950-60-х годах выходцы из семей интеллигенции и «эксплуататорских» слоев были крупными источниками пополнения. Как говорилось в предыдущей главе, интеллигенцию наряду с буржуазией относили к эксплуататорским классам.

В различные периоды критерии и методы отбора студентов для обучения в вузах имели свою специфику. Поскольку только 1-2 % (в настоящее время 10-11 %) молодых людей в Китае имеют возможность получить высшее образование, конкуренция среди претендентов очень высока, и малейшие колебания в критериях отбора тяжело отражаются на огромном количестве людей. При приеме в вуз обычно учитываются классовое происхождение, политические взгляды и поведение, степень подготовленности. Приоритет того или иного критерия зависит от политической линии, проводимой на каждом этапе. Существует, однако, группа молодых людей, которая при всех возможных комбинациях имеет доступ к высшему образованию. Это дети хорошо образованной политической элиты. Главными соперниками в борьбе за оставшиеся места выступают дети интеллектуальной элиты, кадровых работников среднего звена и городских квалифицированных рабочих.³

Факторы, повлиявшие на изменение социальной структуры студенчества в предшествующий реформам период, описаны С.Бродэдом в его исследовании.⁴ До «культурной революции», – пишет ав-

тор, – основное внимание уделяли оценкам, полученным на вступительных экзаменах. Такая система не устраивала малообразованную часть населения. В 1966 г. были закрыты вузы, и когда они открылись в 1970-х гг., условия приема были изменены. Теперь необходимо было направление с места, где абитуриент проработал не менее 2 лет. Решающими факторами стали классовое происхождение и политическая лояльность.¹

С 1970 по 1976 г. в вузы было принято 940 тысяч студентов. Они представляли собой крайне разнородную возрастную и образовательную структуру. Они имели опыт практической работы и крайне политизированное сознание.²

Данная когорта студентов имела низкий уровень подготовки, так как занималась больше политическими акциями, критикой и издевательствами над преподавателями и профессорами. В результате они прослыли недоучками, которым трудно подыскать работу, соответствующую их квалификации. Наглядно этот факт был проверен в 1977 г. в Шанхайском университете, когда выпускникам, претендовавшим работать в научных учреждениях, было предложено сдать экзамены по курсу средней школы по тем предметам, которые они изучали в вузе. В результате 68 % провалились на экзамене по математике, 70 % – по физике, 76 % – по химии.³ Считается, что КНР за годы «культурной революции» потеряла десять выпусков квалифицированных специалистов.

В 1977–1979 годы изменились условия приема в вузы: тем, кто не имел возможности получить направление с работы, было предоставлено право участвовать в конкурсных экзаменах. В 1977 г. из десяти миллионов, выразивших желание участвовать в конкурсе, к экзаменам было допущено 5,7 миллиона человек, принято в вузы только 273 тысячи: в 1978 г. из шести миллионов сдавших вступительные экзамены было принято 402 тысячи, а в 1979 г. из 4,7 миллиона стали студентами 275 тысяч человек.⁴

Таким образом, к началу периода реформ в вузовском образова-

¹ КНР в 1978 г.: Политика, экономика, идеология. – М.: Наука, 1980. – С.292.

² Делюсин Л.П. Судьбы интеллигенции в Китае //Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М., 1978. – С.1-23.

³ Котова Р.И. Китайское студенчество в первое десятилетие реформ //Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М., 1994. – С.88.

⁴ Broaded S.T. The Lost and Found Generation: Cohort successession in Chinese higher education // Austral. J. Of Chinese Affairs/- Canberra, 1990.-Vol.23.- № 1.- P.77-95.

¹ Там же. – С.87.

² Там же. – С. 89.

³ Broaded S.T. Указ.соч. – С. 86.

⁴ Р.И.Котова. Китайское студенчество в первое десятилетие реформ // Переход к рынку в КНР. Общество, политика экономика. – М., 1994. – С.90.

нии произошел качественный сдвиг. Студентами 80-х годов стали наиболее способные и подготовленные ученики, их обучали преподаватели из числа наиболее одаренных выпускников.

В 1978 г. были возрождены основополагающие принципы системы образования. Дэн Сяопин подчеркнул важность образования в процессе модернизации. Были восстановлены единые на всей территории страны учебные пособия и учебные программы. В начале 80-х годов Министерство просвещения, сохранив за собой монополию на разработку учебных программ, передало 226 вузов в ведение отраслевых министерств, 411 – провинциальных и городских властей, а в своем подчинении оставило лишь тридцать восемь вузов.¹

Важное значение имели решения ЦК КПК о реформе в системе образования от 27 мая 1985 г. Этот документ декларировал двойную задачу высших учебных заведений: подготовка квалифицированных кадров, а также активное участие в развитии науки, техники, культуры. Вузам предписывалось наладить взаимодействие с производственными и научно-исследовательскими организациями. Университеты и институты получили право принимать дополнительное количество студентов по договорам с предприятиями, заинтересованными в подготовке для себя специалистов. На учебу вне конкурса зачислялись молодые люди, имеющие возможность оплатить образование и не нуждающиеся в гарантированном распределении. Такую возможность имели студенты – дети предпринимателей, которые составляли в 90-е годы всего 4 % экономически активного населения. Вузам была предоставлена большая самостоятельность в распределении выпускников. Профессорско-преподавательский состав получил возможность участвовать в разработках учебных планов и программ. Руководство университетов стало самостоятельно распоряжаться средствами, отпущенными государством на нужды развития учебных заведений, самостоятельно устанавливать контакты и налаживать сотрудничество с иностранными партнерами.²

Одним из важнейших путей воспроизводства высококвалифицированной интеллигенции стало направление на учебу за рубеж китайских студентов и специалистов. С 1979 г. в Японию и страны

¹ Hayhoe R. China's Universities and the Open Door. – Armonk (N.Y.); L.: Sharpe, 1989. – P.40.

² Hayhoe R. Указ. Соч. – P.41.

Запада ежегодно выезжали две тысячи студентов, а с 1983 г. их число достигло трех тысяч. К 1985 г. по различным каналам за границей прошли курс обучения около двадцати девяти тысяч студентов, аспирантов и специалистов из Китая. Выезд осуществлялся как на основе официальных соглашений, так и на добровольных началах, при наличии возможности самостоятельно оплатить стоимость обучения за рубежом.¹

Согласно данным статистического ежегодника, издаваемого Госкомитетом по образованию, общее число студентов, принятых в вузы Китая, составило в 1980-х и 1990-х годах 281 тысячу и 608,8 тысяч человек соответственно, т.е. число принятых на первый курс увеличилось в два с половиной раза. Из них в 1980 г. от общего числа поступивших в вузы прием на фундаментальные гуманитарные дисциплины составил четыре-шесть процентов, на специальности: финансы – четыре, экономика – три, право – один, политология – ни одного. В 1990 г. число принятых на фундаментальные гуманитарные дисциплины составило четыре-пять процентов, по специальностям: финансы и экономика – одиннадцать, право – один, политология – девять.² При этом общее число студентов составило в 1990 г. два миллиона девяносто пять тысяч (выросло на 83 % по сравнению с 1980 г.).

Для демографической структуры КНР характерна диспропорция между женским и мужским населением в пользу мужчин. Но в соотношении среди студентов эта пропорция нарушена. Доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляет 20 % (в более развитых районах, например в Шанхайском университете, – 30%, а в 60-х годах равнялась 27 %). Источником пополнения высококвалифицированных специалистов является подготовка интеллигенции через систему аспирантуры. Вновь в 1978 г. была восстановлена аспирантура (при вузах, НИИ и других организациях), не функционировавшая двенадцать лет. За последние двадцать пять лет наблюдается рост набора в аспирантуру. Более чем в четыре раза возросло количество аспирантов (с 21, 6 тысяч в 1980 г. до 93,0 тысяч в

¹ Там же. – С.54.

² Р.И.Котова. Особенности развития общественных наук в ходе реформ в Китае и положение в китайских вузах // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. – М., 1996. – С.95.

1990 г.). Из них доля специализировавшихся в гуманитарных науках составила от общего числа двенадцать процентов в 1980 г. и двадцать три в 1990 г.¹

Однако выпускникам вузов и окончившим аспирантуру трудно устроиться на работу по специальности. Из 360 тысяч выпускников 1992 г. пять тысяч не были трудоустроены там, куда получили направление. В Пекине четыре процента из двадцати одной тысячи выпускников не были приняты на работу по месту распределения.²

С апреля 1986 до июля 1987 г. в Пекине по инициативе партийных и государственных органов была проведена серия обследований состояния идеологического воспитания в столичных университетах и вузах. Опрос, проведенный в ноябре 1986 г. в Пекинском университете с целью изучения уровня демократического сознания китайских студентов, показал, что демократические требования студентов «чрезвычайно расплывчаты».³ Большинство современных студентов пришли в университет прямо со школьной скамьи. Они росли в годы, когда после «десятилетия бедствий» в китайском обществе происходили резкие изменения, переплеталось старое и новое. Эти молодые люди полны энтузиазма, восприимчивы ко всему новому, обладают способностью к самостоятельному мышлению, развитым чувством собственного «я». В то же время жизненный опыт невелик, они чрезвычайно эмоциональны. Часть студентов «довольно строптивая», им недостает понимания определенных традиционных норм и ценностей, некоторые имеют слабое представление о нормах общественной морали и по своему поведению напоминают «потерянное поколение» (конца 1960-х – 70-х гг.).

При анализе ответов на поставленные в анкете вопросы выяснилось, что 79,3 % опрошенных считают самым демократическим государством современного мира США, а также Францию и Великобританию. Меньше всего студентов назвали Советский Союз. По мнению авторов, эти результаты «ясно указывают на преклонение студентов перед западной демократией»⁴.

¹ Р.И.Котова. Указ.соч. – С.96.

² Там же. – С.32.

³ Ван Фучунь, У Сяоцзянь. Гуаньюй Бэйдзин дасюэ сюэшен минчжу иши ды дяоча баогао // Чжэнчжисюэ яньцзю.-Пекин, 1989. – № 1. – С.25.

⁴ Ван Фучунь, У Сяоцзянь. Гуаньюй Бэйдзин дасюэ сюэшен минчжу иши ды дяоча баогао // Чжэнчжисюэ яньцзю. – Пекин, 1989. – № 1. – С.25. - кит.яз.

На вопрос о возможности установления в короткие сроки социалистической демократии в Китае, где укоренились многовековые «традиции феодальной диктатуры», утвердительно ответил лишь один процент опрошенных, 96 % заявили, что для этого необходимы длительные усилия. Сдвиги в развитии демократии в КНР после 1978 г. 44 % студентов оценили как «очень большие», 49,7 % заявили, что «прогресс есть, но небольшой», 5,6 % – «прогресс отсутствует».¹

Один из блоков вопросов был посвящен выяснению представлений студентов о путях демократизации китайского общества. Большинство (78,4 %) опрошенных выразили согласие с положением о тесной взаимосвязи между демократией и законностью: 74 % не согласились с мнением, что в виду низкого уровня культуры и самосознания масс демократия в Китае может быть введена «главным образом сверху». Более половины согласились, что «демократизация общественно-политической жизни в социалистических странах зависит от демократизации внутрипартийной жизни в правящих партиях», а также с тем, что «если для осуществления модернизации нужно пожертвовать демократией, то такая модернизация не нужна». Особенно велико число лиц, разделяющих эту точку зрения среди выходцев из семей интеллигенции (68 %) и военнослужащих (67 %).

В марте-июне 1987 г. было проведено обследование среди молодых преподавателей пекинских вузов, наиболее близких по возрасту к студентам (более 70% респондентов менее или около 30 лет). Большинство опрошенных высказали одобрение руководству КПК, заявили о верности социалистическому выбору. Сочли правильным утверждение, что в «Китае революционные преобразования должны осуществляться под руководством партии» 67,6 % респондентов, а 69% согласились с мнением, что «только социализм может спасти Китай» и «что руководящей идеологией в революции и строительстве в Китае должны быть марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна».² Молодые преподаватели проявили сильную озабоченность и заинтересованность в развитии процесса реформ и горячее желание принимать в нем непосредственное участие. Обследование

¹ Там же. – С.29.

² Sun Jun, Zhang Rui. An Investigation of the Condition of Young Teachers // Chin. Education.-Armonk, 1989. – Vol. 22, № 3. – P.27-28.

показало, что 93 % поддерживают реформу в системе образования и желают, чтобы она была «более быстрой и целенаправленной». Годы, прошедшие после 3-го пленума 1978 г., 62 % назвали «лучшим периодом в политике со времен основания КНР», 67 % уверены, что это был «лучший период в экономике», а 70,6 % - «лучшее время для утверждения демократии». Большинство молодых преподавателей осознают вред, причиняемый студенческими волнениями, и необходимость противостоять «буржуазной либерализации». Именно «идеи буржуазного либерализма» назвали около 20 % опрошенных в качестве причины волнений в студенческой среде. Сочувственно относятся к требованиям студентов, выступающих за ускорение темпа реформы, 62 % молодых преподавателей, но осуждают «методы и формы их выражения». Не одобряют действия студентов, которые выходят на улицы с демонстрациями протеста, и не принимают в них участия 87 % опрошенных преподавателей, хотя в целом относятся к студенческим выступлениям с симпатией, отвергая лишь формы.¹

Ш. Рай, преподаватель политологии университета Уорик (Великобритания), анализирует природу глубокого недовольства и подозрительности, проявившихся в требованиях студентов во время студенческих волнений 1986–1987 гг. и весной-летом 1989 г. Анализируются данные обследования, проведенного в Ханчжоуском университете (провинция Чжэцзян) в апреле-июле 1987 г.²

Большую озабоченность студентов вызвала предполагаемая отмена системы всеобщего субсидирования обучения в вузах. Согласно предложенному в 1986 г. варианту предлагается ввести два вида стипендий: за успехи в учебе и нуждающимся студентам в сумме от 150 до 350 юаней в год. Получать эти стипендии смогли бы примерно 25 % поступивших. Для поощрения избравших дефицитные для народного хозяйства специальности предусматривались стипендии в размере от 300 до 400 юаней в год. Кроме того, определенное количество стипендий предназначалось для тех, кто изъявил желание, подкрепленное письменным обязательством, после окончания уче-

¹ Sun Jun, Zhang Rui. An Investigation of the Condition of Young Teachers // Chin. Education.-Armonk, 1989.- Vol. 22, № 3.- P.42-60.

² Rai Sh.M. Student Lives, Student Voices: University Politics in Post-Mao China // J. Of Communist Studies.- L., 1990.-Vol.6, № 3.- P.64-81.

бы работать в пограничных или отсталых районах, а также на производстве с тяжелыми условиями труда. Тем, кто не может претендовать на получение какой-либо из этих категорий стипендий, предлагалось финансировать собственное обучение за счет кредитов, предоставляемых ежегодно государственными банками под низкие проценты и погашаемых впоследствии той организацией, в которой студент будет работать по окончании вуза.¹ Фактически человек в Китае устраивается на работу один раз на всю жизнь, поскольку он, как правило, привязан к своему месту жительства.

В ходе обследования в Ханчжоуском университете выяснилось, что большинство студентов придерживаются мнения, что им уготована в основном преподавательская работа в школах или провинциальных вузах. Почти все опрошенные высказали убеждение в бессмысленности отказа от предлагаемой работы, поскольку существует правило, согласно которому в случае повторного отказа, т.е. отказа и от второго предложения, университет может вообще устранить студента от трудоустройства студента и последнему придется не только выплатить деньги, затраченные на его образование (10 тысяч юаней), но и искать работу самостоятельно. Альтернативы ухода в бизнес для них практически не существует по причине отсутствия необходимого для этого капитала и благоприятного политического климата. Как показывают данные опроса, студенты уверены, что их судьбой распоряжаются власти, а распределение на работу производится на основе субъективного мнения администрации относительно личных качеств того или иного студента и оценки его политической активности. Из 2 тысяч студентов 59 % заявили, что «их друзья вступили в партию для того, чтобы в будущем получить преимущества при распределении на работу».²

Одним из факторов, вызвавшим усиление напряженности в студенческой среде, Ширин Рай считает неоднозначность последствий политики открытости внешнему миру, провозглашенной Дэн Сяопином. Осуществление в рамках этой политики программы посылки студентов за границу сопровождалось беспрецедентной активизацией номенклатурно-родственных связей на всех уровнях – пра-

¹ Rai Sh.M. Указ. соч. – P.72.

² Rai Sh.M. Указ. соч. – P.76.

вительственном, провинциальном, отдельных предприятий. Воздействие на умы молодежи новых идей, возникших в отсутствие у большинства студентов протекции, необходимой для того, чтобы попасть в число «счастливиц», направляемых на стажировку в западные страны, в значительной степени содействовали росту недовольства «хозяйничаньем бюрократии». Студенты оказались под одновременным воздействием как самих реформ, так и их замедленного характера, оставившего нетронутыми многие старые структуры, в то время как реформаторская риторика порождала в них надежды на изменения. В 1986–1987 гг., когда студенты вышли на улицы китайских городов, они выступили в поддержку курса реформы, против коррумпированности местных властей и за «ускорение движения к демократической открытости». Студенты выразили поддержку реформаторам в Пекине и осудили тормозивших, по их мнению, продвижение по пути реформ местных руководителей. Они не могли знать, что сопротивление реформам существует и на центральном уровне.

Провозглашенная китайским руководством реформа в области образования в 1985 г. пробудила надежды на радикальные перемены в условиях жизни студентов и качестве обучения в вузах. Отсутствие эффективных каналов обратной связи и представительства интересов студентов во властных структурах явилось важным фактором, определившим форму студенческих выступлений в 1986–1987 гг., а затем и в 1989 г.

К числу факторов, обусловивших столь мощный социальный взрыв, в который вылились студенческие манифестации весны–лета 1989 г., западные исследователи относят также влияние бурного развития событий в Восточной Европе и Советском Союзе, а также «душеливую психологическую атмосферу», сформировавшуюся в результате гонений 1987 г., которым подвергались некоторые видные представители интеллигенции за инакомыслие, и «борьбы против буржуазной либерализации».¹

На основе анализа материалов китайской печати просматривается атмосфера, сложившаяся в студенческой среде после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. С официальной точки зрения, студенты за участие в них не понесли наказания. Введенный

¹ Maddox P.D. The Goal and Role of US-China Educational Exchanges Programmes // Asian Profile.- Hong Kong, 1990.- Vol. 17, № 4.- P.27.

вслед за событиями порядок обязательного прохождения службы в НОАК (Народная освободительная армия Китая) в течение одного года для первокурсников Пекинского и Фуданьского (Шанхай) университетов (такой порядок сохранялся в течение четырех лет) газеты изображают как «заранее обдуманную стратегию вовлечения студенческой молодежи в реальную жизнь общества».¹

В содержание вузовских учебных курсов было включено изучение работ и выступлений руководителей КПК и КНР, в которых главное место занимают две темы: воспевание патриотизма, непременно замешанного на «китайско-немецко-русских представлениях» о социализме, и призывы к молодежи «сливаться с массами, учиться на практике». Сколько времени отводится в учебных программах на идейно-политическое воспитание, обычно не сообщается, но, по некоторым данным, во время прохождения студентами службы в НОАК оно занимает 40 % общего объема аудиторных занятий. В процессе идейно-политической учебы надлежит добиться не только «правильной идеологии», но «правильной веры», или, как сказал один студент: «Мы должны доказать, что истинно уверовали в марксизм».²

После событий 1989 г. набор в вузы был сокращен более чем на 70 тысяч человек. При этом четко обозначилась тенденция к сохранению, с одной стороны, направленности на развитие экономического образования и, с другой стороны, решимость политического руководства наложить определенные ограничения на культурные и социальные аспекты процесса. В наибольшей степени урезание плана набора студентов коснулось 36 наиболее престижных вузов Китая, находящихся под непосредственным руководством Государственного комитета по образованию и, по мнению властей, служивших «рассадником демократической инфекции». В этих университетах факультеты филологии, истории и философии были традиционно сильными.

Согласно официальным заявлениям, политика отправки китайских студентов за границу не претерпела изменений. Тем не менее, теперь их посылают на меньший срок: в 1990 г. из трех тысяч половина была послана только на один семестр. Как сообщалось в печа-

¹ From University Campus to Factory Floor: Student Life since June '89' // China News Analysis.-Hong Kong, 1991.- № 1429.- P.1.

² From University...- P.2 .

ти в январе 1990 г., всего Китай с 1978 г. направил на учебу за границу около восьмидесяти тысяч студентов, из них шестьдесят тысяч – за государственные средства, однако вернулись на родину из этого числа всего тридцать тысяч человек.

В июне 1990 г. в сянганской печати были опубликованы результаты социологического опроса, проведенного в восьми крупных вузах Пекина и ставившего задачу выяснить сегодняшние умонастроения студентов и их оценку событий июня 1989 г. Ответы, полученные на заданные вопросы, оказались достаточно противоречивыми. До некоторой степени это можно объяснить страхом перед необходимостью выразить свои мысли и чувства на бумаге; главным образом, противоречивость ответов свидетельствует о том, что студенты сбиты с толку и приведены в замешательство. Один студент из народного университета Китая назвал свои ответы «путаными и беспорядочными», отражающими его нынешнее состояние. Он написал, что «с одной стороны, не верит, что свободная рыночная экономика решит китайские проблемы, с другой – ему не нравится, что власть сосредоточена в руках немногих».¹

Многие из поступивших в вузы в 1987 и 1988 гг. предпочли уход в изучение древнекитайской культуры, даосской философии, «И цзин» и т.п. При этом трудно сказать, чем руководствуются эти студенты: увлечением прошлым, надеждой получить шанс, поехать за границу или просто стремлением обезопасить себя. Тем не менее, подобный «уход» явно выглядит как устранение от общественной деятельности.

В 1999 г. обычные вузы страны приняли 1,06 миллиона абитуриентов, на пятьсот десять тысяч больше, чем в 1998 г., контингент учащихся высшей школы составил четыре миллиона тринадцать тысяч человек. Было принято в аспирантуру девяносто тысяч человек, на двадцать тысяч больше 1998 г. – всего в ней сейчас обучается двести тридцать тысяч человек.²

В настоящее время высшей школой охвачено лишь одиннадцать процентов молодежи учебного возраста. Увеличивается количество

---

¹From University Campus to Factory Floor: Student Life since June “89” // China News Analysis.-Hong Kong, 1991.- № 1429.- P.8.

² Китай: факты и цифры. – 2000. – Пекин.: Издательство Синьсин, 2000. – С.155-156.

выпускников, продолжающих учебу за рубежом, ежегодно на тринадцать процентов. Китай имеет более ста двадцати межправительственных соглашений об обмене и сотрудничестве. В 1999 г. принят “План по образованию навстречу XXI в.” Сейчас образование в объеме высшей школы имеет лишь 2,9 % населения. На 10 тысяч человек приходится 32,9 студента (для сравнения, в России – 340).

Самое решительное увеличение приема в государственные, регулярные вузы, начавшееся с 1998 г. (на 7 % в целом на основные и краткосрочные отделения по сравнению с предыдущим годом), было осуществлено за счет стремительного развития краткосрочных высших профессионально-технических училищ. Количество специальностей сокращено с 504 до 249.¹

Разные социальные классы и слои китайского общества охватываются разными учебными заведениями. Существует два типа высших учебных заведений для рабочих и служащих: очные и заочные университеты, входящие в ведение промышленных предприятий. Поступать в них имеют право рабочие и служащие, имеющие аттестат об окончании полной средней школы. Они предлагают более 260 специальностей в области технических, естественных, гуманитарных наук, медицины, изящных искусств и физической культуре. Срок обучения – три года с отрывом и четыре-пять лет без отрыва от производства. В 1985 г. в университетах и заочных вузах для рабочих и служащих обучалось 260 200 человек.

За годы существования КНР образованием были охвачены широкие крестьянские массы. Процент неграмотных среди молодежи и лиц среднего возраста в сельской местности сократился с восьмидесяти процентов в первые годы после освобождения до двадцати пяти в 1980-е и шестнадцать процентов в 1990-е гг. В программе обучения техникумов и профессиональных университетов – политические, естественные и технические науки, включающие сведения по сельскому хозяйству, лесоводству, животноводству, различным промыслам, рыболовству, промышленному производству, торговле, по управлению народным хозяйством и сферой обслуживания. В 1985 г. действовало четыре института, где обучалось 895 000 крестьян.

---

¹ Н.Боревская. Не было хлопот – вступили в ВТО // Поиск. – 2002. – 31 мая. – С. 11-12.

В КНР создана широкая сеть учебных заведений, в которых взрослые могут без отрыва от производства получать образование. С 1953 г. введено высшее заочное обучение для рабочих и служащих. С 1953 по 1965 г. в системе заочного образования было подготовлено восемьдесят тысяч человек. В 1965 г. сто двадцать три института и университета предоставили возможность заочного обучения ста восьмидесяти девяти тысячам человек, что составляло 28 % от общего количества студентов в стране. В 1985 г. число университетов, имеющих заочные курсы, увеличилось до ста восьмидесяти одного, количество действующих вечерних университетов составило двести шестьдесят, из которых сто пятьдесят имели также и заочные курсы. На заочных курсах обучалось 493 100 студентов – 29 % от общего количества учащихся вузов.¹ В 2000 г. в вузах для взрослых обучалось три миллиона учащихся, а это уже 71 % учащихся регулярных вузов.²

В целом, источники воспроизводства интеллигенции претерпели изменения с началом модернизации китайского общества. Рыночные экономические условия стали основой формирования новых социальных групп, которые явились новыми источниками воспроизводства интеллигенции. Появились новые возможности увеличения численности интеллигенции через учебные заведения для взрослых, телеуниверситеты, заочное обучение. Особенностью китайской системы образования являются различные высшие и среднеспециальные учебные заведения для рабочих, служащих и крестьян. Представительство женщин в воспроизводственной системе не увеличилось по сравнению с периодом до «культурной революции».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами рассмотрена китайская интеллигенция в условиях модернизации общества последней четверти XX века. Генезис китайской интеллигенции связан с общественным разделением труда. Первыми представителями были жрецы, колдуны, гадатели. Они выполняли мировоззренческие, идеологические и хозяйственные функции.

¹ Энциклопедия Нового Китая. – М.: Прогресс, 1989. – С.376.

² Китайская Народная Республика в 2000 г.: Политика, экономика, культура. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2001. – С.318.

Позднее начинает формироваться сословие *ши*, в котором можно выделить семь различных групп, но главная характеристика – занятие интеллектуальной деятельностью. В период Чжаньго происходит переход от сословия «ши» к социальной группе «шидайфу». Интеллектуальные процессы, происходившие в эпоху Тан и Сун, характеризуются определяющим влиянием *ши* на политику и культуру. Как синонимы *ши* употребляются термины «вэньчэнь» («гражданский чиновник»), «вэньжэнь», «вэньши» («интеллектуал»), «жу», «жуши» (конфуцианец). Однако сами *ши* предпочитали при самоопределении использовать термин «вэнь цзяо», «вэнь сюэ» («литератор», «учитель»). В данном термине отразилась специфика формирования китайской интеллигенции, которая подразумевала гуманитарную направленность. Техническая интеллигенция появляется лишь с конца XIX в. с началом проникновения в Китай западной технической. В данный период интеллигенция определяется через понятие «шэньши». Формируется новая интеллигенция, которая получила образование на Западе. В середине XX в. она приняла современный статус интеллигенции «чжишифэньцзы» и кадровых работников «ганьбу».

Место интеллигенции в социальной структуре китайского общества характеризуется нестабильностью. В революционном периоде она занимает важное место, является двигателем модернизационных процессов. Большинство интеллигенции поддержало образование КНР и лидеров страны. В 50-е годы XX века положение интеллигенции было устойчивым. Начала развиваться система образования, открыты научно-исследовательские институты, началось массовое обучение населения. Интеллигенция с энтузиазмом включалась в строительство нового государства. Но уже с момента образования КНР ставится вопрос разделения интеллигенции на «наших» и «враждебных». Особенно остро вопрос политической лояльности к идеологии марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна стоит в конце 60-х – начале 70-х годов двадцатого века. Кампания «ста цветов и школ» явилась началом преследования интеллигенции. Она была причислена к эксплуататорскому классу. В период «культурной революции» был нанесен огромный ущерб интеллигенции. Прекратилось воспроизводство. Считается, что за этот период Китай потерял десять выпусков студентов высших учебных заведений. Практически высшее образование перестало существовать. Были сокращены

сроки обучения до трех лет, ввели ускоренную подготовку. Студенты в это время занимались идеологическими вопросами, травлей преподавателей и профессуры, а не обучением.

Новый этап в развитии интеллигенции наступил после 3-го пленума ЦК КПК (1978 г.), провозгласившего курс модернизации китайского общества. Интеллигенция причисляется к рабочему классу, начинают создаваться благоприятные условия и факторы для увеличения ее количественной и качественной характеристик. Преобразования, начавшиеся с деревни в 1984 году, переносятся в город. Начинает меняться социальная структура китайского общества, появляются новые слои. Небольшая часть интеллигенции начинает заниматься частным бизнесом, создавать предприятия, принадлежащие к различным формам собственности. Внутри интеллигенции углубляется дифференциация.

Политика «открытых дверей» повлекла за собой активное проникновение западных идей, ценностей. Данный процесс привел к преобразованиям вслед за экономическими реформами политических отношений. Например, к активной поддержке интеллигенцией студенческих выступлений в мае-июне 1989 г. В этих событиях проявился раскол внутри правящей элиты, между «консерваторами» и «реформаторами». По мнению американских исследователей, события 1989 г. не привели к смене политического режима из-за традиционного сращивания государства и интеллигенции, характерного еще мандаринату. Продвигаясь от *ши* к *чжэньцзы*, интеллигенция сохранила свои традиционные функции: культуuroпроизводства, мировоззренческую, управленческую. Наряду с управляющими предприятиями и организациями в КНР существует система кадровых работников – *ганьбу*, часть из которых входит в состав интеллигенции, и выполняет функции управления и координации государственными делами. Роль *ганьбу* в современном обществе все еще значительна, но отлична от роли мандаринов в имперском государстве. Традиционная роль критиков государства, характерная для мандаринов, сегодня стала опасной, влекущей наказание со стороны государства вплоть до изгнания. В КНР существуют современные диссиденты (например, Фан Личжи, которого называют «китайским Андреем Сахаровым»).

Процесс модернизации повысил роль интеллигенции в китайском обществе. Особенно повысился спрос на педагогическую ин-

теллигенцию, так как повышение уровня образования тесно взаимосвязано с задачами модернизирующегося общества. Педагогическая интеллигенция является самым большим отрядом китайской интеллигенции и составляет 31,9 % от всего числа интеллигенции, в отраслевой структуре она составляет 12,8 %. Задачи реформирования промышленности, особенно государственного сектора, поставили задачу увеличения количественной и качественной подготовки инженерно-технических работников. Наблюдается тенденция небольшого повышения доли сельской интеллигенции в социальной структуре при общем понижении численности сельского населения. В основном интеллигенция сконцентрирована в городе.

Одной из актуальных проблем современного Китая является неоднородность в развитии регионов страны, что привело и к различиям между ханьской интеллигенцией и национальной. Первоначальный уровень образования национальных меньшинств был значительно ниже. В процессе модернизации правительством стало больше уделяться внимания национальным меньшинствам: образованию, экономическому развитию, участию в политической жизни страны. Ныне среди 15 групп национальных меньшинств уровень образования выше, чем общегосударственный.

В демографической структуре китайского общества наблюдается диспропорция в соотношении между мужчинами и женщинами – 52 : 48. В структуре интеллигенции эта диспропорция больше: большинство из получивших высшее образование – мужчины, женщины составляют 20–25%.

Произошли изменения в структуре воспроизводства интеллигенции. Если до «культурной революции» основными источниками являлись выходцы из «эксплуататорских» классов, то в современной КНР большинство составляют представители рабочего класса и крестьянства, доля выходцев из интеллигенции – 20 %.

Начиная с 1978 г. по настоящее время интеллигенция претерпела в целом позитивные изменения. Хотя доля людей умственного труда составляет лишь 9 %, но она играет важную роль в жизни китайского общества. КНР демонстрирует небывалые темпы роста экономики, трансформируется социальная структура. В настоящее время Китай представляет одну из перспективных моделей развития, и в этом процессе роль интеллигенции очень высока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова Н.А. Политическая культура Китая. Традиции и современность. – М.: Изд-во «Муравей», 2001. – 320 с.
2. Американские китаеведы об экономике и политике Китая сегодня и завтра. – М.: Наука, 1989. – 302 с.
3. Афонский Л. Интеллигенция и государство: исторический текст // Москва. – 1998. – № 2. – С. 147–160.
4. Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. – М.: Мысль, 1991. – 235 с.
5. Бао Юнцзян. Особый путь экономического развития Китая и его влияние на мировое экономическое развитие // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 1. – С. 72–79.
6. Барский К.М. Компромисс в политической культуре Китая: противоборство неформальных группировок в руководстве // Восток. – 1996. – № 3. – С. 73–85.
7. Бергер Я.М. Власть и рыночная экономика // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С. 13–39.
8. Бергер Я.М. Модернизация и традиция в современном Китае // Полис: политические исследования. – 1995. – № 5. – С. 60–77.
9. Бергер Я.М. Экономическая реформа и социальные группы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С. 59–87.
10. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О) / Пер. с англ. - М.: Вече АСТ, 1999. - 544 с.
11. Боровская Н. Не было хлопот – вступили в ВТО // Поиск. – 2002. – 31 мая. – С. 11–12.
12. Боровская Н.Е. Эпоха «экономики знаний» // Поиск. – 2001. – 29 июня. – С. 10.
13. Боровская Н.Е., Руфь Хэйхоу. Университеты Китая: столетие культурного конфликта // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 2. – С. 150–153.
14. Борох О.Н. Стратегия экономической реформы в КНР в оценках западных и китайских ученых // Восток. Азиатско-африканские общества: история и современность. – 1996. – № 3. – С. 86–99.
15. Васильев Л.С. Проблема генезиса китайской мысли. – М., 1989. – 268 с.
16. Ганшин Г.А. Экономическая реформа в Китае. Эволюция и реальные плоды. – М.: Восточная литература, 1997. – 205 с.
17. Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР. 50–60-е годы. – М.: Наука, 1980. – 264 с.
18. Гельбрас В.Г. Экономические реформы в КНР. Очерки, наблюдения, размышления. – М.: Международные отношения, 1990. – 312 с.

19. Государственный строй КНР. – М.: Наука, 1988. – 231 с.
20. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Т.3. – М.: Политиздат, 1991. – 551 с.
21. Гудков Л.Д., Дубин В.В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. – М.: Фолио, Харьков: Эпицентр, 1995. – 192 с.
22. Гудошников Л., Копков А. Система государственной службы в КНР. – М.: РАН Институт Дальнего Востока, 2001. – 212 с.
23. Делюсин Л.П. Судьбы интеллигенции в Китае // Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М.: Институт международного рабочего движения, 1978. – С. 1–23.
24. Делюсин Л. Реформы идут. Леваки бьют тревогу: Китай // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 9. – С. 32–39.
25. Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 176 с.
26. Джан Хэ Лань. Рост численности населения – фактор социального давления в Китае // Социс: социологические исследования. – 2000. – № 1. – С. 75–80.
27. Документы XII Всекитайского съезда КПК (25 октября–1 ноября 1987 г.). – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1988. – 250 с.
28. Дубин В.В. Интеллигенция и профессионализация // Свободная мысль. – 1995. – № 10. – С. 41–49.
29. Дэн Сяопин. Избранное (1975–1982). – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1985. – 496 с.
30. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. – М.: Политиздат, 1988. – 256 с.
31. Егоров К.А. Представительная система Китая: история и современность. – М.: Спарк, 1998. – 240 с.
32. Идеино-политическая ситуация в Китае в 1994 г. // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 3. – С. 49–57.
33. Илошечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). – М.: Наука, 1986. – 394 с.
34. Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. – М.: Наука, 1993. – 344 с.
35. Интеллигенция и нравственность: социологические очерки. – М.: НИИВО, 1993. – 249 с.
36. Интеллигенция и социальный прогресс в развивающихся странах Азии и Африки. – М.: Наука, 1981. – 321 с.
37. Интеллигенция древняя и новая // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 2. – С. 39–57.

38. Интеллигенция: место в обществе и политика руководства КПК. – М.: Институт международного рабочего движения АН СССР, 1978. – 69 с.
39. История Китая. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 736 с.
40. Карпов М.В. «Игра в четыре руки»- китайский вариант // Восток. Азиатско-африканские общества: история и современность. – 1995. – № 6. – С.56–68.
41. Карпов М.В. Проблема демократизации в Китае и опыт реформирования авторитарных режимов // Восток. Азиатско-африканские общества: история и современность. – 1997. – № 5. – С.71–85.
42. Китай. – М.: Международные отношения, 1992. – 190 с.
43. Китай: история в лицах и событиях. – М.: Политиздат, 1991. – 252 с.
44. Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. – М.: Восточная литература, 1999. – 735 с.
45. Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. – М.: РАН ИНИОН, 1996. – 134 с.
46. Китайская Народная Республика: на путях реформ. (Теория и практика). – М.: Наука, 1989. – 343 с.
47. Китай после «Культурной революции»: Политическая система, внутриполитическое положение. – М.: Мысль, 1979. – 360 с.
48. Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке. Тезисы докладов XII международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 25–27 сентября 2001 г.). – В 3-х ч. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – Ч.1. – 155 с.
49. Китай: факты и цифры. – 2000.- Издательство “Синьсин”, Пекин, 2000. – 205 с.
50. Китайская Народная Республика в 1978 г.: Политика, экономика, идеология. – М.: Наука, 1980. – 367 с.
51. КНР в 1980...-1984. – 256 с.
52. КНР в 1982...-1986. – 376 с.
53. КНР в 1983... - 1986. – 350 с.
54. КНР в 1984...- 1987. – 367 с.
55. КНР в 1985...- 1988. – 350 с.
56. КНР в 1986...- 1988. – 295 с.
57. КНР в 1987...- 1989. – 359 с.
58. КНР в 1988...- 1990. – 383 с.
59. КНР в 1989... - 1991. – 399 с.
60. КНР в 1990... - 1992. – 332 с.
61. КНР в 2000... - 2001. – 436 с.
62. Китайские интеллектуалы и национальная идея. (Сводный реферат) // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература.

- Сер.10. Китаеведение. – 1999. – № 4. – С.96–104.
63. Классы и классовая структура в КНР. – М.: Наука, 1982. – 344 с.
64. Копков А. Модернизация кадровой политики КНР в условиях рынка // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 4. – С.55–63.
65. Котова Р.И. Китайское студенчество в первое десятилетие реформ // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С. 88–111.
66. Котова Р.И. Особенности развития общественных наук в ходе реформ в Китае и положение в китайских вузах // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. – М.: РАН ИНИОН, 1996. – С.93–134.
67. Круглов А.М. В XXI век с успехами, надеждами и опасениями (о некоторых итогах экономического развития КНР) // Проблемы Дальнего Востока. – № 1. – 2000.
68. Крушинский А. Вожди третьего поколения: через 50 лет мир увидит китайскую супердержаву // Новое время. – 1997. – С. 34–37.
69. Кузнецова В.В. Демографическое положение в КНР в 80-е годы // Китай на пути к рынку. Модель развития, демография, образование. – М.: РАН ИНИОН, 1996. – С.62–92.
70. Кутровский В.Н. Интеллигенция: проблемы определения понятия // Социально-политический журнал. – 1995. – № 2. – С.211–213.
71. Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР (1949-1999). – М.: Институт Дальнего Востока, 2001. – 185 с.
72. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов). – Т.1. – М.: Политиздат, 1990. – 503 с.
73. Ленин В.И. Задачи революционной молодежи. Письмо первое. – Т.7. – М.: Политиздат, 1984. – 635 с.
74. Линь Минь. Поиск современности: китайская интеллектуальная дискуссия и общество. 1978-88 - Случай Ли Цзэхуо // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 1994. – № 3. – С.75–84.
75. Лю Сяоянь. Подготовка учителей в Китае // Педагогика. – 1999. – № 3. – С.117–120.
76. Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – 700 с.
77. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т 5. – Пекин, 1977. – С.186.
78. Методологические исследования места интеллигенции в социальных странах развитого социализма. – М., 1979. – 214 с.
79. Мунтян М.А. Интеллектуал, интеллигент и отношения с властью // Кентавр. – 1992. – № 11, 12. – С. 4–7.
80. Маркова С.Д. Маоизм и интеллигенция. Проблемы и события 1956–

1973 г. – М.: Наука, 1975. – 245 с.

81. Наумов И.Н. Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР. – М.: Наука, 1993. – 300 с.

82. Никитина Т.И. Политический облик Китая на пороге 90-х годов // Переход к рынку в КНР: наследие прошлого и прорыв в будущее. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С.11–53.

83. Никитина Т.И. Бюрократия и реформы // Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С.39–59.

84. Общественные науки и положение в университетах Китая. - Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 10, Китаеведение. – 1995. – № 1. – С. 77–90.

85. Осинский И.И. Интеллигенция: национальные и региональные проблемы // Интеллигенция в современном обществе: национальный и региональный аспекты. – Часть 1. – Улан-Удэ: БГУ, 1997. – 156 с.

86. Осинский П.И. Феномен интеллигенции и современная западная социология // Интеллигенция: проблемы гуманизма, народа, власти. – Ч.1. – Улан-Удэ: БГУ. – С.56–62.

87. Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс, 1989. – 560 с.

88. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

89. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект- Пресс, 1998. – 270 с.

90. Пащенко Е.Г. Социально-классовая структура общества // Государственный строй КНР. – М.: Наука, 1988. – С.73–82.

91. Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. – М.: Восточная литература, 1993. – 439 с.

92. Переход к рынку в КНР. Общество, политика, экономика. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – 121 с.

93. Перспективы Китая (Чжунго цзоусян)/ Под ред. Ху Аньгана. – Ханьчжоу: Чжэцзян жэньминь чубанше, 2000. – 381 с. – Рец. К.Кокорев // Проблемы ДВ. – 2001. – № 2. – С. 179–181.

94. Пивоварова Э.П. Социальная трансформация китайского общества // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока. – С.51–52.

95. Писарев А.А. Общественный строй традиционного Китая: взгляды отечественных историков и ученых КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 1994. – № 3. – С.108–120.

96. Портяков В.Я. Экономическая политика Китая в эпоху Дэн Сяопина. – М.: Восточная литература, 1998. – 238 с.

97. Предварительные итоги 4-й переписи населения в КНР (Сводный реферат) // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная ли-

тература. Сер. 10. Китаеведение. – 1992. – № 1. – С. 45–50.

98. Престиж профессий среди городского населения Китая. // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. – 1998. – № 2. – С.19–24.

99. Русская интеллигенция: история и судьба. – М.: Наука, 2001. – 423 с.

100. Селиванова Е.Ф. Социальные аспекты хозяйственной реформы в КНР // Китай и АТР на пороге XXI века. Ч.1. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 1998. – С. 111–114.

101. Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. – М.: Мысль, 1978.

102. Смит С.А. Рабочие, интеллигенция и марксистские партии: Санкт-Петербург, 1895-1917 гг. и Шанхай, 1921-1927 гг.// РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10. Китаеведение. – 1997. – № 2. – С.119–129.

103. 40 лет КНР (Справочник). – М.: Наука, 1989. – 567 с.

104. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. – М.: Политическая литература, 1992. – 542 с.

105. Социально-экономические и политические проблемы Китая в новое и новейшее время. – М.: Наука, 1991. – 364 с.

106. Социальная структура Китая 19 – I половины 20 века. – М.: Наука, 1990. – 436 с.

107. Степанов Ю.С. «Жрец» нарекись и знаменуйся «жертва» // Русская интеллигенция. История и судьба. – М.: Наука, 1999. – С.15–1

108. Студенчество и интеллигенция. / Информ.бюл./ - М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 1995. – № 6. – С.69–70.

109. Титаренко М.Л. Китай: цивилизация и реформы. – М.: Восточная литература, 1999. – 237 с.

110. То Чжэнь. Новое поколение предпринимателей // Проблемы Дальнего Востока. – 1988.- № 3. – С.

111. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. – М.: Изд-во института социологии РАН, 2000. – 481 с.

112. У Жэньчан. Сравнительный анализ реформ в Китае и Советском Союзе // Проблемы Дальнего Востока. – 1998. – № 1. – С.8–22.

113. Управленческие кадры и социальная эволюция стран Азии и Африки. (Госсектор). – М.: Восточная литература, 1985. – 223 с.

114. Ушакин С.А. Интеллигентность сквозь призму интересов // Полис: политические исследования. – 1998. – № 4. – С.21–36.

115. Ушакин С.А. Функциональная интеллигентность // Полис: политические исследования. – 1998. – № 1. – С.8–22.

116. Фань Ган. Реформы по нарастающей и «двухколейный» переход: осмысление опыта Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1995. – № 3. –

C.58–73.

117. Чаба Л. Политико-экономические стратегии реформ: сравнение опыта Китая и стран Центральной и Восточной Европы // Вопросы экономики. – 1995. – № 12. – С.45–53.

118. Чжан Сянго. Модернизационные процессы в современном Китае: социальные аспекты. – Спб.: Изд-во СПГТУ, 1999. – 153 с.

119. Чжу Кайсюань. На пороге XXI века: реформа и развитие образования в Китае // Развитие образования и науки на пороге XXI века. – М.: МАН ВШ, 1995. – С. 44–54.

120. Шмидт С.О. К истории слова «интеллигенция» // Россия, Запад, Восток: встречные течения. – СПб.: Наука, 1996. – С.409–417.

121. Шорт Ф. Мао Цзэдун. – М.: ООО “Изд-во АСТ”, 2001. – 608 с. – (Историческая библиотека).

122. Экономика КНР в 80-е годы: стратегия, проблемы и тенденции развития. – М., 1991. – 221 с.

123. Энциклопедия нового Китая. – М.: Прогресс, 1989. – 509 с.

124. Юй Инши. Интеллигенция в Китае: исторический обзор // Реф.: РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10. Китаеведение. – 1992. – № 1. – С.111.

На английском языке

125. Bien Yanjie. Chinese Occupational Prestige: a Comparative Analysis // International Sociology.- L., 1996.- Vol.11.- № 2.- P. 161-186.

126. Bol P.K. This Culture is Ours: Intellectual Transmission in Tang and Sung China. – Standford: Standford Univ. Press, 1992.- 519 p.

127. Broaded S.T. The Lost and Found Generation: Cohort succession in Chinese higher education // Austral. J. Of Chinese Affairs/- Canberra, 1990.- Vol.23.- № 1.- P.87.

128. Cheek T. From Priest to Professionals: Intellectuals and State Under the CCP // Popular Protest and Political Culture in Modern China: Learning from 1989.- Boulder: West View Press, 1992.- P.124-145.

129. China’s Intellectuals and State: In Search of a New Relationship.- Cambridge, Mass., Harvard Univ.Press, 1987.- 352 p.

130. Chinese Society on the Eve of Tiananmen the Impact of Reform.- Harvard.: L., 1990.- 701 p.

131. Class and Social Stratification in Post-revolution China.- C., 1984.- 289 p.

132. Deng’s China. The last emperor // Economist. - L., 1997.- Febr. 22.-p. 19-22.

133. Dittmer L. China’s “Opening to the Outside World”: The Cultural Dimensions // J.of Northeast Asian Studies.- Wash., 1987.- Vol.6, № 2.- P.3-23.

134. English-Lueck J.A. Chinese Intellectuals on the World Frontier. Blazing the Black Path.- Westport, (Conn.), L.: Bergin and Garvey, 1997.- 171 p.

135. Friedman E. Testimony to the U.S. House of Representatives Comitee on Foreign Affairs, Subcommittee on Asia and the Pasific.-Wash., 1987.- P.1-9.

136. From University Campus to Factory Floor: student Life since June “89” // China News Analysis.-Hong Kong, 1991.- № 1429.- P.1-9.

137. Fumio Itoh. China in the XXI Century: Politics, Economy and Society.- Tokyo: United Nations Univ. Press, 1997.- 287 p.

138. Goldman M. The Intellectuals in the Deng Xiaoping Era // State and Society in China.- Boulder: Westveiw Press.-1992.- P.193- 219.

139. Hi Shengchi. Politics of disillusionment: the Chinese Communist Party under Deng Xioping. 1978-1989.- Armonk, New York, 1991.- p.126-127.

140. Hayhoe R. China’s Universities and the Open Door. – Armonk (N.Y); L.: Sharpe, 1989.- P.250.

141. Kuhn P.A. Chinese View of Social Classification // Class and Social Stratification in Post-revolutin China.- Cambridge, 1984.- P. 16-28.

142. Lee H.Y. China’s New Bureaucracy ? // State and society in China.- Boulder: Westview Press, 1992.- P.

143. Lieberthal K. Prepared Statement for Subcommittee on Asian and Pasific Affairs Committee on Foreign Affairs. – Wash., 1987.- P.9 p. in recto.

144. Liu Zhiqiang. Earning, education and economic in urban China // Econ. development and cultural chang. – Chicago, 1998.- Vol. 46, № 4. – P.697-725.

145. Ma S.K. Chinese bureacracy and post-Mao reforms // Asian survey.- Berkeley, 1990.- Vol. 30, № 11.- P.1039.

146. Maddox P.D. The Goal and Role of US-China Educational Exchanges Programmes // Asian Profile.- Hong Kong, 1990.- Vol. 17, № 4.- P.24-32.

147. Martellaro J.A. Economic growth in East Asia and the Confucian ethic // Asian profile. - Hong kong, 1991. –Vol. 19, № 1.- P.81-89.

148. Nie Ronzhen. Inside the Red Star: the memories of marshal Nie Ronzhen. Beijing, 1988 –723 p.

149. Perry E. Casting a Chinese «Democracy» Movement: The Roles of Students, Workers, and Enterpreneurs // Popular Protest and Political Culture in Modern China: Learning from 1989.- Boulder: West View Press, 1992.- P.147-165.

150. Parish W. Destrafication in China // Class and Social Stratification in Post-revolution China.- Cambridge, 1984.- P. 84-120.

151. Parsons T. The Intellectual: a Social Role Category. – On intellectuals. Theoretical studies. Case studies. – N.Y.: Doubleday & Co, 1969.- P. 4.

152. Parsons T. The Social System.- N.Y.: Free Press, 1964.-

153. Popular Protest and Political Culture in Modern China: Learning from 1989.- Boulder: West View Press, 1992.- 300 p.

154. Postiglione G.A. China’s national minorities and educasional change //

- J. of Contemporary Asia. – Stockolm, 1992.- Vol. 22, № 1. – P.20-45.
155. Rai Sh.M. Student Lives, Student Voices: University Politics in Post-Mao China // J. Of Communist Studies.- L., 1990.-Vol.6, № 3.- P.4-81.
156. Rosen S. Students and the State in China: The Crisis in Ideology and Organization // State and Society in China. – Boulder: West View Press, 1992.- P.167-191.
157. Shils E. Intellectuals Encyclopedia of the Social Sciences.-N.Y.: The Macmillian Co & The Free Press, 1968, Vol. VII.- P.
158. Simon D.F. China's Scientist and Technological in the Post-Mao Era: A Retrospective and Prospective Glimpse // China's Intellectuals and State: In Search of a New Relationship. - Cambridge, Mass., Harvard Univ.Press, 1987.- P. 129-155.
159. State and Society in China. – Boulder: West View Press, 1992.- 256 p.
160. Sun Jun, Zhang Rui. An Investigation of the Conditiona of Young Teachies // Chinese Education. -Armonk, 1989. - Vol. 22, № 3.- P.34-60.
161. Wilson F. Public opinion and intellectuals. - The American Political Science Review.- 1954.- June.- P.323.
162. Wortzel L.M. Class in China: Stratification in a Classless society.- N.Y.: Greenwood Press, 1987.- 173 p.
163. Zhao Suisheng. Chinese intellectuals quest for national greatness and nationalistic writing in 1990s // China quart. – 1, 1997.- № 152.- P. 736.
164. Zhou Enlai. On the question of intellectuals // Communist China 1955-1959: Policy document with analysis / Ed. R.V.Bowie, J.K.Fairbank. Cambridge, 1962. - P.128-144.

На китайском языке

165. Ван Фучунь, У Сяоцзянь. Гуаньюй Бэйдзин дасюэ сюэшен минчжу иши ды дяоча баогао // Чжэнчжисюэ яньцзю. – Пекин, 1989. – № 1. – С.24–34.
166. Ван Сизнь. Социалистическая рыночная экономика и национальное самосознание в Китае // Миньцзу яньцзю. – Пекин, 1998. – № 3. – С.1–9.
167. Во Юй Чжунго 20 шицзе. / Гл. ред. Сюй Мин. – Чжэньчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1994. – 423 с.
168. Гуанмин жибао. – 1980. – 3 октября.
169. Гуанмин жибао. – 1984. – 24 апреля.
170. Гуанмин жибао. – 1984. – 27 июля.
171. Гуанмин жибао. – 1986. – 21 января.
172. Дэн Тунчжи. Яньцзю кэ цзай сяньдай цинши синьлай ды цзоуюн // Цзююй яньцзю. – Пекин, 1998. – № 3. – С.32–43.
173. Жэнь Цзедо. Сян Цинь жу дао чжэнчжи ши бицзю // Сибэй дасюэ сюэбао.- Сиань, 1991. – № 1. – С. 102–120.
174. Жэньминь жибао. – 1980. – 9 октября.

175. Жэньминь жибао. – 1984. – 1 апреля.
176. Жэньминь жибао. – 1986. – 13 апреля.
177. Жэньминь жибао. – 1996. – 21 марта.
178. Жэньминь жибао. – 2001. – 1 марта.
179. Лю Цзэхуа, Лю Хунтао, Ли Жуйлань. Шижэнь юй шэхуй (сянь Цинь цзюань). – Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1988. – № 4. – С.217.
180. Ли Пейлин. Синьши ци цзеши цзецэн цзегоу хэ лии гэци дэ бяньхуа // Чжунго шэхуй кэсюэ. – 1995. – № 3. – С.47–63.
181. Сунь Липин, Вань Ханьшэнь и др. Гайгэ и лай Чжунго шэхуй цзегоу дэ вяньтянь // Чжунго шэхуй кэсюэ. – 1994. – № 2. – С. 47-62.
182. Тянь Сюэсюань. Синь шицзи жэнькоу лунь. – Харбин, 1983. – С.147
183. Хун Гэн. Шилунь Кунцзы ды миньсу сысян // Кунцзы яньцзю. – Цзинань, 1990. - № 2. – С. 107–113.
184. Цзю дэчэн, Сяо Цзоли. Куа шицзи ды Чжунго гао цзю гайгэ. – Пекин: Синьшин чубаньшэ, 1992. – 72 с.
185. Чжан Янь. Шичан цзинцзи юй чжунго кэци чжишифэньцзы.- Чжичжоу: Хэнань жэньминь чубаньше, 1995. – 265 с.
186. Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь. 1997. – Пекин, 1997. – С.282.
187. Чжунго сяньдай жогань мубяо фэньси // Чжунго шэхуй кэсюэ. – Пекин, 1992. – № 3. – С. 99–117.
188. Чжунго цзинцзи шэхуй фачжань чжаньлюэ. 1996–2050. – Пекин, 1997. – 468 с.
189. Чэн Ювэй. Цзиньго жэнцан сысян юй цзюйюн чжиду шулунь // Шисюэ юэкань. – Кайфэн, 1990. – № 3. – С.5–11.
190. Эрцянь нянь ды Чжунго. - Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ чубаньшэ, 1989. – 601 с.
191. Юй Гомин, Лю Сяян. Чжунго миньши яньцзю. – Пекин: Жэньда дасюэ чубаньшэ, 1996. – 54 с.
192. Янь Букэ. Шидайфу цзенхэ ды синчэн // Вэньши чжиши. – Пекин, 1989. – № 9. – С.14.
193. Цю Шипэй. Чжунго дасюэцзюю фачжаньши. – Шаньси, 1993. – 648 с.

Таблица 1 – Удельный вес и численность не ханьского населения по состоянию на конец 1996 г. в 5 автономных районах¹

Автономный район	Общая численность населения	Численность неханьского населения	% неханьского населения
Синьцзян-Уйгурский	16 893 000	10 460 000	61,9
Гуанси-Чжуанский	45 455 000	17 520 000	38,5
Внутренняя Монголия	22 630 000	4 429 000	19,6
Тибетский	2 393 000	2 324 000	97,1
Нинся-Хуэйский	5 212 000	1 787 000	34,3

Барлукова Оксана Дмитриевна

**КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
(ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)**

Монография

Таблица 2 – Демографический прогноз для национальных меньшинств²

Год	Численность населения национальных меньшинств (млн) при средней рождаемости	
	Три ребенка	Четыре ребенка
1985	64,8	68,4
1990	72,5	79,2
2000	85,0	99,5
2010	110	131,0
2030	141,0	221,0
2050	193,0	378,0
2080	297,0	846,0

Таблица 3 – Возрастное распределение интеллигенции¹

Возрастные группы	% от общего числа интеллигенции
60 +	4,0
55-59	3,5
50-54	6,4
45-49	12,7
40-44	17,6
35-39	12,9
30-34	9,4
25-29	12,5
20-24	10,9
15-19	10,0

Редактор Д. Д. Филиппова
Компьютерная верстка О. Р. Цыдыповой

Подписано в печать 18.12.2008. Бумага офс. №1. Формат 60x84/16.
Усл.печ.л. 7,2. Тираж 100. Заказ № 580.
Цена договорная.

Издательство ФГОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова»
670024, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8
e-mail: rio_bgsha@mail.ru

¹ Сведения приведены по Чжунго миньцзу тунцзи няньцзянь. 1997 (Ежегодник национальностей Китая). – Пекин, 1997. – С. 282. Т.В.Лазарева. Кадровое строительство в национальных районах КНР. 1949-1999. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. – С.27.

² Тянь Сюэсюань. Синь шицзи жэнькоу лунь. – Харбин, 1983. – С.147 – Кит. яз./ Теория народонаселения новой эпохи.

³ Guangming Daily. – 1984. – 17 June. – P.2.